

Яков Лорбер –

По ту сторону жизни (За порогом)

НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ
ЧЕРЕЗ ЯКОВА ЛОРБЕРА

Издательство «Неизвестное»
Все права защищены

© 1847

ПО ТУ СТОРОНУ ПОРОГА — СЦЕНЫ СМЕРТИ

Получено через внутреннее слово Духа Якобом Лорбером.

Согласно 8-му изданию 1996 года.

Текст заново сверен издательством с оригинальной рукописью и дополнен приложением.

Издательство Лорбера (Lorber-Verlag) — Гинденбургштрассе 5 — D-74321 Битигхайм-Биссинген.

Все права защищены.

© 2000, Lorber-Verlag, D-74321 Bietigheim-Bissingen.

Введение

Сцена 1: Знаменитость; краткое содержание

Сцена 2: Ученый астроном и философ; краткое содержание

Сцена 3: Благочестивый и милосердный богач-прелюбодей; краткое содержание

Сцена 4: Избалованный, ленивый, тщеславный и аморальный щеголь

Сцена 5: Раба моды

Сцена 6: Полководец

Сцена 7: Папа Римский

Сцена 8: Министр

Сцена 9: Епископ Мартин

Сцена 10: Бедняк

Сцена 11: Роберт Блюм

Приложение

Встреча в великом потустороннем мире

Послание обитателя иного мира

Введение. — 27 июля 1847 г.

[01] Брат А. Х. В. желает знать, как происходит переход из материальной жизни в духовную, или так называемую загробную жизнь, в особенности у великих мира сего.

[02] Описать этот переход весьма просто, ибо он совершенно естественен.

[03] Посмотри: какая разница для воды, упадет ли в нее великий человек или бедный и незаметный? Послушай, оба утонут совершенно одинаково! Или какая разница для огня? Послушай, он пожирает императора так же, как и нищего!

[04] Если нищий и министр или император одновременно упадут с башни, то и один, и другой встретят свою смерть от этого внезапного падения.

[05] Какую разницу делает могила между великим и малым, между богатым и бедным, между красивым и уродливым, между молодым и старым? Посмотри — никакой! Все разлагается, становясь нечистотами для червей и, в конечном счете, ничтожным прахом.

[06] Но как обстоит дело с телом в царстве так называемых сил природы, так же обстоит оно и с душой в царстве духов. Была ли она в мире нищим или императором — в мире духов это совершенно безразлично. Там ни для кого не готовят «особого угощения»*, дабы не питать ничье самомнение: чтобы великий более не ослеплялся своим величием, бедный — своими притязаниями на Царство Небесное (из-за того, что претерпел в мире много нужд), а благочестивый — своими «заслугами перед Небом». Как уже не раз было сказано: там — заметьте хорошенько! — там не имеет значения ничего, кроме чистой любви.

[07] Все же остальное подобно камням, брошенным в море, где алмаз, подобно самому простому песчанику, погружается в вечную зловонную тину. Внутри себя они, конечно, остаются тем, чем были вне моря, — но жребий их одинаков; с той лишь разницей, что песчаник растворится скорее, чем алмаз.

[08] Так обстоит дело и в ином мире с земной знатностью или земной ничтожностью. В морской тине неумолимой вечности они в своем воображении еще долго будут мнить себя теми, кем были в мире. Император там еще будет мнить себя императором, а нищий — нищим, имеющим право на воздаяние. Но вопреки этому, в великой реальности оба они будут разделять в морской тине вечности одинаковую участь. Только бедняк может скорее прийти в состояние «брожения» — и существо его скорее наполнится истинными, внутренними пузырьками смирения, которые вытянут его из тины и вознесут к вечному свету и жизни, нежели императора или иного земного вельможу.

[09] По этому образцу или по этому основному правилу вы можете в точности судить о кончине любого человека. А потому держитесь любви, дабы в свое время не стать причастными общему жребию! Аминь. Аминь. Аминь.

Сцена первая: Знаменитость. — 28 июля 1847 г.

[01] Приблизимся же к одру болезни великого, крайне знаменитого в мире мужа — а именно за несколько часов до его перехода в вечность — и созерцаем его поведение здесь и его вступление в мир иной. Посмотрим единым взором на то, как встречаются и переходят друг в друга эти два мира, и вам тотчас станет ясно как день, сколь полно и правдиво изложенная ранее кардинальная истина представляет сие событие.

[02] Глядите, дела и поступки этого человека в мире были таковы, и совершались они на такой почве — гулкое эхо от которой проносится над всей землей подобно свистящему метеору, — что они приковывали взоры всех людей. Из-за сильного резонанса они были слышны во всех точках земли, их усердно обсуждали «за» и «против», описывая на таком количестве бумаги, которой можно было бы покрыть всю Европу. И вот теперь этот великий муж, этот филантроп, этот ярый мнимый защитник политических и церковных интересов своей нации, лежит, простертый на своем ложе, полный отчаяния и страха перед наступившим последним часом, избежать которого у него нет уже ни малейшей надежды.

[03] В состоянии некоего смутного, мучительного замешательства он — будучи втайне атеистом — то видит вечное уничтожение своего бытия, то вновь чувствует мнимые боли разложения. Поэтому он даже распорядился в завещании о бальзамировании своего тела; а чтобы он никогда не очнулся в могиле, сердце и внутренности должны быть отделены от его тела. И дабы этим отделенным частям время не казалось ужасающе долгим, они должны быть захоронены в таких местах, которые люди посещают довольно часто.

[04] Но посреди таких уничтожающих мыслей примешивается и католицизм с его суровыми угрозами ада, над которыми этот человек, конечно, посмеивался, пока думал, что ему суждено прожить еще сто лет. Но теперь они возвращаются, словно легкокрылые фурии, и терзают душу нашего умирающего, сознающую за собой немало великих грехов, совершенно невыносимо. И его душу не могут успокоить ни причастие, ни соборование, ни непрестанные молитвы и многочисленные мессы, ни громкий звон колоколов. Всё более ужасающим и всё более вечным видит его душа пламя бездны, вздымающееся ввысь.

[05] Тут исчезает всё его прежнее мужество, и вся его философия оказывается никчемной; его замирающее сердце уже погружается во всё более густеющую ночь смерти. А душа, со всех сторон теснимая величайшим страхом, в последние мгновения дыхания еще ищет искру утешения в уже омертвевших складках сердца, которое когда-то обладало столь великой земной отвагой. Но там повсюду пусто, и вместо утешения на нее отовсюду взирает либо вечное небытие, либо ад со всеми его ужасами.

[06] Так всё выглядит по сю сторону; теперь же бросим взгляд в мир иной.

[07] Смотрите, там у ложа нашего умирающего, которое выглядит точно так же, стоят три ангела под покровами и пристально созерцают этого человека.

[08] И вот А говорит Б: «Брат, я полагаю, для него на земле всё свершилось. На этом терновнике уже никогда не видать земных гроздьев. Смотри, как его душа корчится и

извивается, не находя выхода, и как жалко выглядит в ней бедный дух! Посему коснись своей рукой уже застывающих внутренностей и высвободи эту прискорбно несчастную душу из её ночи, а я во имя Господа вдохну в неё жизнь и пробужу её для этого мира. А ты, брат В, веди её затем путями Господними к месту её назначения, согласно свободе её любви. — Да будет так!»

[09] Тогда ангел Б касается внутренностей нашего мужа и говорит: «Во имя Господа — пробудись и стань свободным, брат, по любви твоей. Да будет так!»

[10] И вот, по сую сторону смертная оболочка опускается в прах, а по ту сторону — восстает слепая душа!

[11] Но ангел А подходит и говорит: «Брат, почему ты слеп?» И пробужденный говорит: «Я слеп. Сделайте меня зрячим, если можете, чтобы я узнал, что со мной произошло, ибо теперь внезапно все мои боли оставили меня!»

[12] Тогда А дует на глаза пробужденного, и тот открывает их, в изумлении оглядывается вокруг и, не видя никого, кроме ангела В, спрашивает его: «Кто ты? И где я? И что со мной произошло?»

[13] Ангел отвечает: «Я вестник Бога, Господа Иисуса Христа, назначенный вести тебя, если пожелаешь, путями Господними. Ты же ныне навеки умер для внешнего, материального мира телесно и находишься теперь в мире духов.

[14] Здесь перед тобой открыты два пути: путь к Господу в небесах или путь к господству ада. Теперь всё зависит только от тебя, как ты пожелаешь идти. Ибо смотри, здесь ты совершенно свободен и можешь делать, что хочешь. Если пожелаешь, чтобы я руководил тобой, и последуешь за мной, то поступишь хорошо. Если же предпочтешь решать сам, то ты также волен в этом. Но знай, что здесь есть только один Бог, один Господь и один Судья — и это Иисус, Распятый в мире! Только Его держись, и ты придешь к истинному свету и жизни. Всё же остальное будет лишь обманом и призраком твоей собственной фантазии, в которой ты сейчас живешь и от меня это слышишь!»

[15] На это пробужденный говорит: «Это ведь новое учение, и оно противно учению Рима, а значит — ересь! И ты, желающий навязать мне его здесь, в уединенном месте, кажешься скорее посланцем ада, чем небес; посему удались от меня и более не искушай меня!»

[16] И ангел В говорит: «Хорошо, твоя свобода освобождает меня во имя Господа Иисуса от заботы о тебе. Посему да пребудет с тобой твой свет; да будет так!»

[17] После этого ангел В исчезает, а новопробужденный вступает в свою природную сферу и оказывается словно среди своих знакомых в мире. Он почти не помнит, что с ним произошло, и живет теперь — конечно, призрачно — как на земле, продолжает делать то, что делал в мире, и мало заботится как о небе, так и об аде, и еще меньше обо Мне, Господе. Ибо всё это для него — три туманные нелепицы, подобные сновидениям, и всякий, кто напоминает ему об этом, изгоняется из его общества.

[18] Смотрите, из этого первого примера вы уже можете понять, в какую «воду» упал наш великий, знаменитый муж. Дальнейшие примеры осветят это дело еще ярче.

Сцена вторая: Ученый. — 2 августа 1847 г.

[01] Подойдем к одру болезни ученого, для поддержания земной жизни которого — как вы привыкли говорить — «травка больше не растет», и понаблюдаем за этим вторым знаменитым мужем: как он в свои последние часы еще пребывает по сю сторону, и как он пробуждается по ту сторону, и какое направление дает ему его любовь.

[02] Человек, которого мы сейчас рассмотрим, был в мире философом и в то же время астрономом «в лучшем виде» (*in optima forma*), как вы любите выражаться.

[03] Этот человек в своем великом рвении изучать и вычислять звезды достиг возраста семидесяти с лишним лет, однако во время продолжительного наблюдения за звездами в одну очень холодную зимнюю ночь он так переохладился, что его нашли у телескопа почти полностью окоченевшим. Друг немедленно перенес его в теплое жилище и тотчас обеспечил наилучшей медицинской помощью, благодаря которой через пару часов он пришел в себя настолько, что смог объявить друзьям свою так называемую последнюю волю, которая гласила:

[04] «Во имя непостижимого Божества! Поскольку нельзя знать, как долго непостижимая судьба еще оставит человеку эту ничтожную жизнь, и неизвестно, какое возмещение будет ему за это дано, такова моя воля: вы, мои дорогие друзья, прежде всего сохраните мой труп — если я умру — от тления через бальзамирование и поместите его в надежно запертый медный гроб в склеп, где уже покоятся несколько моих достойнейших коллег и в некотором роде ждут меня. Внутренности же, которые первыми подвергаются гниению, поместите в отдельную урну в спирт и поставьте в моем музее на место, которое сразу бросается в глаза каждому, дабы я продолжал жить хотя бы в памяти людей, раз уж о другой жизни после смерти тела и думать не приходится.

[05] Что касается моего состояния, вы и так знаете, друзья мои, что ученый в этом мире редко владеет большим, чем ему требуется на ежедневные духовные и физические расходы; так и у меня сейчас всё обстоит так же, как было всегда. У меня никогда не было денежного капитала, и потому я не могу его оставить. Но вскоре после моей кончины продайте мои оставшиеся вещи и распорядитесь вырученным так, как я приказал в самом начале.

[06] Моим трем еще живым детям, которые все хорошо обеспечены, сообщите, когда меня не станет; а старший сын, мой любимец, избравший мою стезю, да будет наследником всех моих книг и рукописей и пусть как можно скорее подготовит к печати мои еще не изданные труды.

[07] Тем самым да будет утверждена моя воля относительно этого прекрасного звездного мира, который я впредь более не буду созерцать и вычислять!

[08] Ах, какое же жалкое существо человек! Полный возвышенных идей, полный сверхземных надежд, пока он еще здоровым ходит по земле, — но на краю могилы все они исчезают, как сны и воздушные замки ребенка, и на их место заступает печальная действительность: смерть как последний миг нашего существования, а с ней и уничтожение, не имеющее границ!

[09] О друзья! Это тяжелая, ужасная мысль — переход от "бытия" к "небытию" для того, кто, как я сейчас, стоит на краю могилы! Мое нутро кричит мне: "Ты умираешь, ты умираешь сейчас! Еще лишь несколько минут — и над всем твоим существом опустится черная ночь вечного, безграничного уничтожения!" О друзья, этот зов ужасен для того, кто стоит у края могилы, одним глазом еще созерцая милые прекрасные звезды, а другим — вечную мертвую ночь, в которой ни одна идея не пролетает над прахом, где нет ни сознания, ни памяти!

[10] Куда, куда развеется эта пыль через тысячу лет? Какой ураган вырвет её из могилы, и какая морская волна затем снова поглотит её, или какая иная новая могила?

[11] О друзья! Подайте мне питье, ибо я чувствую ужасную жажду! Дайте мне утешение для облегчения моего великого страха! Дайте мне лучшего вина — и побольше, чтобы я еще раз подкрепился и опьянил себя, и легче встретил страшную смерть!

[12] О ты, грозная смерть, ты — величайший позор для возвышенного человеческого духа, который создал столь великое и совершил открытия, служащие ему величайшей честью! Этот дух должен теперь умереть, величайший позор — его награда: смерть, вечное уничтожение!

[13] О рок, о Божество! Если вы смогли создать вечные звезды, почему же не создать и человека, который бы не умирал?! О безумие, как велико должно быть ты в Божестве, которое находит удовольствие в том, чтобы создавать величайшее, дабы затем вновь разрушать его навеки или превращать людей в позорных червей или инфузорий!»

[14] Должен ли я умирать? Почему я должен умирать? Что сделал я, что сделали миллионы других, что они должны умирать? Поистине, в сумасшедшем доме можно было бы установить лучший порядок мироздания, чем этот смертный порядок, установленный Божеством, которое претендует на высшую мудрость!»

[15] Тут стоящие рядом друзья и врачи призвали нашего астронома к покою, который был ему необходим, если он желал выздороветь. Ведь нигде еще не было написано, что он непременно должен умереть от этой, пусть и сильной, простуды, но зато столь мощные душевные волнения могли всерьез стоить ему дорогой жизни.

[16] Но это увещание мало помогло нашему астроному; напротив, он вспылил еще сильнее и произнес в крайнем возбуждении: «Прочь, прочь с вашей помощью! Прочь с этой жалкой, проклятой жизнью! Если человек не может жить вечно, то жизнь — это величайший и позорнейший обман, а смерть и небытие — единственная истина! Мудрец должен стыдиться такой гнусной жизни, которая длится лишь от сегодня до завтра! Поэтому я больше не хочу жить! Теперь эта ничтожнейшая жизнь вызывает у меня в тысячу раз большее отвращение, чем самая жалкая смерть; а потому дайте мне

яд, дайте мне сильнейший яд, чтобы я поскорее избавился от этой мерзости! Да будет проклята такая жизнь, такая москитная жизнь, и вечный позор первоматерии, или Божеству, или какому там еще духу сточной канавы, который не смог или не захотел дать возвышенному человеку жизнь, способную мериться длительностью со звездами! Итак, прочь с этой жизнью, прочь с этим божественным надувательством! Если оно не может дать человеку лучшей жизни, то пусть катится к черту со своим подарком — пусть оставит его себе! Прощайте, мои дорогие друзья, я умираю, я хочу умереть, да, я должен умереть; ибо отныне я, как возвышеннейший человеческий дух, более не смог бы сносить позор этой издевательской жизни!»

[17] Здесь врачи снова призывают нашего астронома к покою. Но он замолкает и больше не дает ответа. Врачи подносят ему мускус, но он отшвыривает его. Врачи умоляют его принять лекарство, но он становится всё безмолвнее и начинает хрипеть. Его растирают и пытаются вывести из этого оцепенения, но тщетно. Спустя пару часов хрип утихает, но на его место приходит исступленный бред — очевидный для мира сего, — в котором астроном произносит глухим, пронзительным голосом следующее:

[18] «Где же вы, те, кого я так сильно любил, вы, прекрасные звезды? Неужели вы стыдитесь меня, раз скрываете свой милый лик? О, не стыдитесь меня! Ведь и вас ждет тот же жребий, что постиг ныне меня. Вы тоже умрете, как умер теперь я! Но не гневайтесь из-за этого на слабого Творца, как гневался на него я. Ибо, смотрите, у него наверняка были благие намерения, но слишком мало мудрости и силы, оттого все его творения столь немощны и преходящи. Конечно, он поступил бы лучше, если бы никогда ничего не создавал, чем только опозорился перед нами, своими мудрыми созданиями; ведь несовершенное творение не позволяет заключить о совершенстве мастера! Поэтому не стоит более гневаться на бедного простака-Творца, которому в конце концов самому придется похлопотать о том, чтобы уберечь себя от безграничной мимолетности всех своих дел.

[19] О ты, бедный Творец! Только теперь я понимаю, что ты, должно быть, вполне доброе существо и сам был бы несказанно рад, если бы твое творение удалось тебе лучше, но: "Ultra posse nemo tenetur" (сверх возможностей никто не обязан). Подлец тот, кто хочет сделать лучше, чем может. Ты же не сделал лучше не по своей воле, а по недостатку сил, а значит, ты не подлец!

[20] О ты, бедный добрый человек Иисус, давший миру, пожалуй, самую мудрую мораль под прикрытием мнимых чудес! Ты тоже слишком полагался на своего воображаемого Бога-Отца, который покинул тебя именно в момент своей очевидной слабости, когда было самое время поддержать тебя всемогущей силой, которой ты мог бы развеять своих врагов как прах! Когда ты висел на позорном столбе, было, конечно, уже поздно восклицать: "Боже мой, Боже мой, для чего Ты Меня оставил!?" Ибо, посмотри, твой Бог уже давно должен был оставить тебя, потому что на твое сохранение — как теперь и на мое — у него не хватило сил! Он делал, что мог, и охотно сделал бы больше, но видишь ли, здесь всегда действует "ultra posse nemo tenetur"!»

[21] Ах, но это же просто смехотворно! Вот я умер и всё же живу — как одуроченный осел! Самое странное во всем этом то, что сейчас мне кажется, будто умереть вообще

когда-либо было чистойшей невозможностью! — Но куда же подевалась земля и мои хорошие друзья? Я, правда, ничего не вижу и ничего не слышу, кроме самого себя, но при этом нахожусь в яснейшем сознании, и память моя теперь совершенно отчетливо простирается вглубь и вдаль, далеко за пределы пребывания в материнском чреве. Это воистину странно! Неужели Божество хочет показать мне, что оно способно на большее, чем я ожидал от него в это мое последнее время? Или же мое тело еще живет в самый последний миг уничтожения, и моя теперешняя жизнь подобна послесвечению тех солнц, что погасли триллионы лет назад и продолжают жить лишь в эманации своего света сквозь бесконечное пространство?

[22] Однако для такой призрачной жизни, которая — математически верно — пожалуй, тоже должна длиться вечно, ибо исходящий луч никогда не встретит конечного предела и, следовательно, никогда не сможет полностью исчезнуть, — для такой жизни я сознаю себя сейчас слишком ясно, да, в тысячу раз яснее, чем когда-либо за всю мою земную жизнь. Только вот, как я уже сказал, я ничего не слышу и не вижу, кроме самого себя. — Ага, ага, тише теперь! Мне кажется, будто я слышу тихий ропот, шепот! Также мной хочет овладеть некий тихий, очень сладкий сон. И всё же это не сон, — нет, нет, это лишь так, будто я должен пробудиться от сна!? — Но теперь тише, тише; я слышу голоса издалека, знакомые голоса, очень знакомые голоса! Тише, они идут, они подходят ближе!»

[23] Здесь наш астроном замолчал окончательно и больше не шевелил губами, из чего стоящие вокруг друзья и врачи заключили, что теперь с ним покончено, тем более что добрая половина речи, приведенной здесь, была воспринята окружающими скорее как хриплое визжание, нежели как членораздельное выражение воображаемых внутренних фантазий коченеющего организма.

[24] Врачи, правда, прибегли к самым крайним средствам реанимации — но те оказались бесплодны — и тогда оставили астронома, погрузившегося, по их мнению, в глубочайшую летаргию, в покое, выжидая, что природа проявит сама собой. Но ждали они напрасно, ибо природа не проявила там более ничего, кроме вскоре действительно последовавшей телесной смерти.

[25] Но там, где для врачебного естествознания наступает «ultima linea rerum» (последняя черта вещей), они откланиваются. И мы тоже откланиваемся, но не как врачи, а как духи, которые могут последовать за человеком, умершим для этой земли, и в мир иной, чтобы наблюдать, что он там предпримет и куда направится.

[26] Смотрите, вот он лежит на своем ложе — совсем как в мире — и рядом никого, кроме трех уже известных вам ангелов. А там, позади трех вестников, еще Кто-то!

[27] Слушайте, он всё еще рассуждает и говорит: «Поглядите-ка, теперь я снова ничего не слышу. Что же это были за акустические галлюцинации раньше? Гм, гм, теперь всё тихо, как в могиле. Есть ли я еще, или со мной покончено? О, покончено — это ни в коем случае, ведь я чувствую себя, я нахожусь в яснейшем сознании, я мыслю, я до мельчайших подробностей помню всё, что когда-либо совершал, — только вот ночь, ночь, эта проклятая ночь не хочет отступать! Попробую-ка я ради шутки покричать, да как можно громче. Может быть, в шутку меня кто-нибудь и услышит?! Эй! Никого нет

поблизости, кто помог бы мне выбраться из этой ночи?! На помощь, если кто-нибудь случайно оказался рядом!»

[28] Теперь вестник А обращается к Б и говорит: «Брат, подними его из его могилы!» И вестник Б склоняется над астрономом и произносит: «Да свершится с тобой то, чего Господь всякой жизни и бытия вечно и неизменно желает для всех — восстань из своей земной могилы, брат земной!»

[29] Смотрите, в то же мгновение астроном поднимается, а его тело опадает назад, подобно рассеявшемуся туману! Но астроном восклицает: «Брат, если ты вытащил меня из могилы, так вытащи меня и из моей ночи!» И вестник В говорит: «Такова от вечности воля Господа, чтобы все Его творенья, и особенно Его дети, имели свет и ходили во свете зрячими. А потому — открой свои бессмертные очи и смотри, и созерцай то, что тебе угодно. Да будет так!»

[30] Теперь астроном впервые открывает глаза в духовном мире и ясно видит свое окружение; он искренне радуется тому, что — по его представлению — снова видит людей и почву, на которой стоит. Но тут он спрашивает: «Дорогие друзья, кто же вы такие? И где я? Ибо здесь мне всё кажется отчасти очень родным, а отчасти — вновь совершенно чужим. К тому же я чувствую себя таким легким и необычайно здоровым и не совсем понимаю, как я сюда попал и как сила ваших слов сделала меня зрячим. Ведь я был, серьезно говоря, слеп как крот!»

[31] Ангел А говорит: «Для мира ты умер телом и находишься теперь здесь — вечно живой своей душой и своим духом — в подлинном, истинном мире жизни духов. Мы же трое — ангелы Господни, посланные к тебе, чтобы пробудить тебя и вести правым путем к Господу, Богу твоему и Богу нашему, к твоему Отцу, полному любви, терпения и милосердия. Он же и наш Отец, Святой, Пресвятой, Которого ты в свой последний земной час называл "слабым божеством", поскольку был слеп, но Который всё тебе простил, ибо ты был слеп и слаб! Теперь ты знаешь всё, поступай согласно этому и будешь бесконечно блажен, подобно нам вовеки!»

[32] Астроном говорит: «Братья, друзья Божьи, ведите меня, куда хотите, я следую за вами! Но если я когда-нибудь удостоюсь бесконечной милости созерцать Бога, то укрепите меня величайшим образом! Ибо я чувствую себя навеки слишком жалким, позорным и недостойным, чтобы вынести этот святейший лик! — Но там я вижу еще кого-то, кто взирает на нас так дружелюбно! Кто же сей Прекрасный? Верно, тоже небесный вестник?»

[33] Ангел А говорит: «Да, воистину вестник всех небес! Иди к Нему, путь короток. Он Сам откроет тебе это».

[34] Астроном подходит, и этот Некто идет ему навстречу и говорит: «Брат, неужели ты не узнаешь Меня?» И астроном отвечает: «Как же мне узнать тебя, если я вижу тебя впервые?! Кто же ты, о дорогой, прекрасный брат?»

[35] Дружелюбнейший говорит: «Взгляни на Мои раны! Смотри, Я — твой "слабый" Иисус, и иду тебе навстречу, чтобы Своей слабостью помочь твоей слабости; ибо если

бы Я пошел тебе навстречу в Своей силе, ты не остался бы в живых! Ибо смотри: всякая зарождающаяся жизнь подобна нежному растению, которое не может развиваться без воздуха, но ураган убивает жизнь растения! Так и Я теперь лишь нежный ветерок, веющий тебе навстречу, чтобы оживить тебя в полноте, а не ураган, чтобы разрушить тебя. Возлюби Меня, как Я возлюбил тебя от вечности, и тогда ты будешь иметь истинную вечную жизнь!»

[36] Астроном говорит: «О Ты, мой любимейший Иисус! Так это Ты — Тот, Кто дал обитателям земли прекраснейшее учение, а они за это распяли Тебя?! О, научи и меня тому правому пути, ведущему к Богу, которому Ты учил; мною Ты за это никогда не будешь распят! Но, если Тебе возможно, позволь мне при этом также созерцать великое творение в его ясности, которое так сильно занимало меня на протяжении всей моей жизни!»

[37] Иисус говорит: «Твой путь к Богу не будет долгим, если ты захочешь вступить на него тотчас же; если же ты хочешь прежде обследовать свои звезды, тогда у тебя будет долгий путь. Выбери теперь, что тебе милее!»

[38] Астроном говорит: «Мой любимейший Иисус, видишь ли, для Бога я еще далеко не созрел. Поэтому, если Тебе возможно, помоги мне достичь зрелости среди светил».

[39] Господь говорит: «Да будет тебе по любви твоей! Из этих трех ангелов выбери себе одного, который будет вести тебя и в конце твоего странствия покажет тебе, Кто есть твой мнимый Иисус, Которого ты знаешь как человека, что был распят!»

[40] Посмотрите же снова, как этот астроном ищет свою «воду» и хочет плыть ко Мне только в ней, не замечая, что Я уже был при нем, а он — при Мне! Поэтому берегитесь слишком ученой «воды» астрономов и геологов, ибо влечение её направлено не ко Мне, а к любви к своей ученой области! — Для этой цели и приведен сей более длинный пример. — Аминь.

Сцена третья: Богач. — 3 августа 1847 г.

[01] И вот мы снова у смертного одра человека, который был очень богат, законно управлял своим состоянием, по возможности хорошо воспитал детей и при этом всегда щедро помогал бедным, — правда, порой позволяя себе «веселый часок» с теми бедными, но юными сестрицами, которых за один дукат можно склонить к разного рода забавам. Наряду с этим он, однако, всерьез почитал Священное Писание, часто и прилежно читал его и твердо верил, что Иисус и есть подлинный Иегова, ибо он почерпнул это из трудов Сведенборга, которые в часы досуга изучил почти все, за исключением нескольких малых сочинений.

[02] Такая начитанность, впрочем, сделала его весьма вспыльчивым: если он слышал, что кто-то говорит об Иисусе безразлично или, тем более, поносительно, и если в его обществе оказывался подобный «антихрист», то последнему следовало вовремя убраться восвояси, иначе ему пришлось бы опасаться самых неприятных и весьма ощутимых последствий. Короче говоря, наш муж был настоящим суровым поборником чистого христианства.

[03] Этот человек заболел в весьма преклонном возрасте, причем вследствие пышного пиршества, на котором он и без того изрядно переусердствовал в еде и питье, а после трапезы — особенно из-за двойного соития с юной, плотски весьма пышной девицей, на что его сподвигла кровь, слишком разгоряченная крепкими винами.

[04] Когда наш муж после этого «похода» вернулся домой, он почувствовал легкое головокружение, которое принял за легкое опьянение. Но он ошибался. Едва он собрался лечь в постель, как ноги отказались ему служить. Для мира сего он без сознания рухнул на пол и был — как вы привыкли говорить — уже мертв как затвор.

[05] Само собой разумеется, что его близкие, крайне напуганные, мгновенно приложили все усилия, чтобы привести главу семейства в чувство. Но труды были напрасны, — ибо тот, кого однажды забирают духи-ангелы, для этого мира более не пробуждается.

[06] Посему по сию сторону у этого человека более не на что смотреть и нечего слушать, а потому мы немедленно отправимся в мир духов и посмотрим, как наш муж выглядит там, что он предпринимает и куда направляется.

[07] Прежде всего вы должны знать, что люди, которых поражает мгновенный удар, совершенно не знают и ни в малейшей степени не замечают, что и как с ними произошло. Они не находят никаких перемен — ни в своем домашнем укладе, какой у них был на земле, ни в своем самочувствии, кроме того, что они совершенно здоровы, какими обычно и были в мире. Точно так же они не видят ангелов, хотя те находятся рядом с ними, и не воспринимают ни малейшего знака из мира духов, в котором они уже полностью пребывают. Короче говоря, они во всем и в каждом деле чувствуют себя так, будто всё еще находятся в мире. Они едят и пьют, живут в своем хорошо знакомом месте, в своем доме и целиком в кругу своей семьи, где им, так сказать, не недостает ни одной дорогой души.

[08] Именно так — точь-в-точь — обстояло и обстоит дело с нашим мужем, — посмотрите, он уже в мире духов! Он в добром расположении духа ложится в постель в своей хорошо знакомой спальне, которая здесь обустроена до мельчайших деталей точно так же, как на земле. Посмотрите, как удобно он вытянулся в постели, ища и ожидая сна! Но лишь одно обстоятельство заставляет нашего мужа немного насторожиться: в этот раз сон к нему не приходит, — ибо сон чужд духам. У них, конечно, есть соответствующее состояние, которое там называется покоем, но по сути оно не имеет ни малейшего сходства с земным сном.

[09] Послушаем теперь самого нашего мужа и посмотрим, как он ведет себя в своем новом состоянии и каким оно ему кажется. Слышите, что он говорит сейчас в постели: «Лини, ты спишь?» Лини (его жена) приподнимается и спрашивает: «Что ты хочешь, дорогой Леопольд, тебе чего-то не хватает?» (Прим.: жена, дети и прочие домочадцы представлены здесь специально назначенными для этого духами, находящимися словно под покровом). Муж говорит: «Нет, мне как раз всего хватает, я, слава Богу, совершенно здоров. Вот только сна нет, и даже ни малейшего намека на сон не появляется. Пойди, дай мне мои сонные пилюли, я проглочу парочку, может, после этого дело пойдет».

[10] Лини тотчас встает и исполняет волю мужа. Пилюли «проглочены», но сон всё никак не приходит.

[11] Спустя некоторое время муж говорит: «Лини, послушай, дай мне еще парочку, а то, видишь, сон ко мне не идет; я становлюсь только бодрее вместо того, чтобы хотеть спать».

[12] Лини отвечает: «Да брось ты эти пилюли, так ведь можно и желудок себе испортить. Лучше раздели со мной ложе, и тогда, возможно, ты скорее уснешь, раз уж тебе так непременно нужно поспать».

[13] Муж говорит с некоторым замешательством: «Да, дорогая Лини, с этим актом у меня сейчас дело пойдет туго; ты ведь и сама по долгому опыту знаешь, что после большого пиршества я к этому совершенно не расположен. Природа в таких случаях всегда отказывает мне в этой необходимой услуге. Так что дай мне лучше еще пару пилюль!»

[14] Жена говорит: «Странно, мой дорогой господин супруг! Но поговаривают, будто богатый и богобоязненный Леопольд обычно после таких праздничных обедов отправляется к некой Цилли и там выказывает себя таким мужчиной, что юноше впору брать с него пример. Но когда после этого дома верная, пусть уже и несколько пожилая Лини дает понять, что она жена Леопольда и иногда по определенным причинам тоже не может уснуть, — у Леопольда всегда находится тысяча теософских, философских и Бог весть каких еще причин, чтобы унять законное и и без того весьма редкое желание жены! Посмотри-ка, Леопольд, ты, друг истины, как тебе самому в глубине души кажется: каково это — так гнусно и истинно лицемерно лгать мне, твоей всегда преданной жене? Как часто ты расписывал мне постыдность прелюбодеяния в самых мрачных красках! Что же ты скажешь теперь сам себе, если я могу тебе ясно как день доказать, что ты сам — прелюбодей?!»

[15] Муж говорит в полном ошеломлении: «Лини, дорогая жена, откуда же ты знаешь о таких моих делах? Поистине, подобное я мог совершить разве что в самом сильном опьянении — и если уж я это сделал, то рассчитываю, что ты проявишь христианское терпение к моей человеческой слабости и не дашь этому делу ход, позорящий весь наш дом! Будь благоразумна, дорогая жена, будь благоразумна и не говори об этом больше; ведь видишь, несмотря на это, я всё же очень люблю тебя! Будь же снова ласкова, будь ласкова, женушка моя дорогая, я больше никогда в жизни не сделаю ничего подобного!»

[16] Лини говорит: «Охотно верю. Если человек всю свою жизнь прожил именно так, по крайней мере раз в две недели обманывая свою верную жену и даже пару раз подцепив отвратительную болезнь, — тогда, конечно, самое время оставить подобные дела, о которых в Писании сказано: "Блудники и прелюбодеи Царства Божия не наследуют!" Скажи мне ты, муж мой, столь сведущий во всяком богословии! — что бы ты делал, если бы Господь внезапно призвал тебя? Как обстояло бы тогда дело с твоим спасением? Или у тебя есть от Господа письменное заверение, что Он позволит тебе жить до тех пор, пока ты в самом корне не исправишь свою жизнь? Я бы еще ничего не сказала по поводу этой девицы Цилли; но та неоспоримая чувственная склонность, которую ты проявлял к

нашей собственной старшей дочери перед её замужеством — и проявлял так, что на твоём богословском челе запечатлелось неизгладимое позорное пятно пред Богом и всеми людьми, если бы они об этом знали, — скажи, что мне на это ответить?! И что на это скажет Бог?!»

[17] Муж говорит в ещё большем замешательстве: «О жена, ты начинаешь меня мучить не на шутку. Конечно, к сожалению, ты имеешь на это полное право, ибо с моей стороны было бы более чем глупо пытаться это отрицать. Но всё же мне больно, и я вообще не постигаю, как ты за всё время нашего супружества, насколько мне известно, ни словом об этом не обмолвилась, а теперь вдруг открыла все шлюзы сразу и буквально хочешь меня уничтожить!?»

[18] «Подумай о том, что все мы, люди, слабы плотью, даже если дух наш полон готовности, и ты легко простишь мне все мои слабости! Подумай о том, что Господь не осудил прелюбодейку, — а значит, и раскаявшийся прелюбодей найдет у Него милосердие! А потому и ты, дорогая жена, не суди меня; ибо я признаю и раскаиваюсь в своей великой вине перед тобой, а также в прискорбном проступке перед нашей замужней дочерью! Господь Иисус да простит меня так же, как прощаешь ты!»

[19] Мнимая жена говорит: «Хорошо, в таком случае всё содеянное тебе полностью прощается. Но смотри же, чтобы в будущем ты более не пользовался своей пресловутой слабостью, иначе мало благословения принесет тебе эта моя полная снисходительность! Я еще потерплю тебя какое-то время — и посмотрю! Но спать ты больше не будешь никогда, ибо смотри и слушай! Ты более не на земле, а здесь, в мире духов! И Я, Кого ты принимал за свою часто обманываемую жену, — не твоя жена, но — взгляни сюда! — Я твой Господь и твой Бог! Оставайся же, если хочешь, каков ты есть сейчас; если же хочешь идти дальше, то следуй за Мною вон из этого твоего старого позорного покоя!»

[20] Человек узнаёт Меня и безмолвно падает ниц передо Мною.

[21] Я же говорю ему: «Поднимись; ибо любовь твоя больше греха твоего, а потому всё тебе прощается! Но у Меня ты еще не можешь поселиться, пока в тебе остается земное. Но смотри, там стоят наготове ангелы, они поведут тебя правыми путями. И когда твой земной дом будет поражен твоими вожатыми нуждой и бедностью, тогда ты обретешь у Меня новую обитель навеки. Аминь!»

[22] Видите, это снова иная «вода». Некоторые дольше пребывают в этом естественном состоянии, в каком находился человек из этого примера; для него же оно было кратким лишь потому, что в мире он совершал много дел любви и потому, что за свой проступок сразу проявил искреннее раскаяние.

Сцена четвертая: Щеголь. — 5 августа 1847 г.

[01] Здесь мы видим последний час и раннюю смерть одного щеголя, который, кроме курения табака, азартных игр, обжорства, пьянства и ухаживания за всем прекрасным женским полом, а также превосходных танцев и исполнения вальсов на рояле — исключительно ради этого самого прекрасного пола, — мало что смыслил, хотя почти всё свое время провел в коллегиях и университетах. Наш представленный здесь

экземпляр щеголя был сыном довольно богатых родителей, которые своего многообещающего, безмерно изнеженного отпрыска, разумеется, не заставляли делать ничего иного, кроме как учиться, едва лишь он отложил в сторону азбуку.

[02] Но дабы нежному мальчику не пришлось слишком уж туго при тяжелом изучении латыни, его для начала определили в очень хороший пансион, чтобы он там должным образом питался и, естественно, рос — правда, не в мудрости и благодати пред Богом и людьми, а только лишь телом. И чтобы напряженная учеба, не дай бог, не довела его до чахотки, ему разрешалось каждый год оставаться на второй год, если он не справлялся с тем — разумеется, при легчайших усилиях, — чтобы пройти курс школы за один год. Для этой цели профессора во всякое время, особенно в младших классах, надлежащим образом подкупались, а по каждому предмету нанимался самый кроткий репетитор.

[03] Таким способом наш студент с грехом пополам проскочил младшие классы; только вот в голову ему при таком подходе влетело мало чего или вообще ничего. Следствием этого стало то, что в высших школах он постоянно застревал. А поскольку учеба обычно вызывала у него отвращение, он посвятил себя главным образом вышеупомянутым «свободным искусствам», а именно: курению табака, играм, обжорству, пьянству и так далее.

[04] Завершив кое-как обучение и сдав повсюду экзамены на посредственные оценки, он попробовал свои силы в канцеляриях, но этот бумажно-чернильный воздух пришелся ему не по вкусу; к тому же он постоянно получал от матери столько денег, что мог вполне по-кавалерски обходиться и без службы. При этом он ухаживал за всеми благородными девушками и одной за другой делал предложения руки и сердца, из-за чего и случилось так, что по причине пустых надежд на обещанное замужество весьма многие обожаемые им красавицы оказались в действительно «интересном положении» (в надежде) без всякого замужества.

[05] Помимо этих красавиц, наделенных слепыми и оттого, как было замечено, весьма часто неприятными, зато живыми «надеждами», наш «государственный муж» уделял внимание и другим женским существам, коих он всегда мог заполучить за умеренную плату, не обещая предварительно женитьбы и не обнадеживая их; при этом ему не нужно было опасаться, что эти грации по его вине окажутся в некоем ином «интересном положении».

[06] Однако при этом нередко случалось так, что ему приходилось иметь дело с сифилисом всех степеней, и в конце концов болезнь стала столь сильной, что даже самые опытные врачи в этой области не могли дать ему ни совета, ни помощи. Следствием такого «прекрасного» щегольского образа жизни стало общее иссушение естественных жизненных соков — недуг, для которого Я, Господь, при сотворении мира, к сожалению, совершенно «забыл» создать «целебную травку». Посему нашему щегольку волей-неволей пришлось готовиться к смерти. Разумеется, явление весьма неприятное для «фешенебельного» господина, столь сильно любившего мир с его сладкими венериными радостями. Но уж так заведено, что всё здесь должно идти путем плоти. И так в конце концов и этому щеголю, чье величайшее земное блаженство

заклучалось в плоти, пришлось тем более отправиться в этот самый доподлинный «путь плоти».

[07] Посмотрите же теперь на его зловонное ложе: как он корчится и извивается, жаждая воздуха и воды; но он не может более ничего проглотить, так как все мышцы его глотки иссохли и не способны протолкнуть в желудок ни единой капли! Дыхание его коротко и очень болезненно, так как легкие уже почти полностью высохли. Голос его тоже совершенно сорван; лишь короткие, парализованные обрывки слов может он еще выталкивать с великой мукой, и тогда звук этот подобен звуку скверного фагота в руках ученика. Он бы и рад еще по-щегоольски выругаться или пробормотать под конец какие-нибудь ученые фразы из Вольтера или сэра Вольтера Скотта; но общая сухость не дает этому исполниться, а сильные боли во всех закоулках жизни не оставляют ему времени, чтобы еще раз собрать свои мысли воедино. Потому он лежит там, безмолвно хрипя, и лишь иногда исторгает пронзительный, скрежещущий фаготный звук из своей совсем иссохшей глотки.

[08] Смотрите, так часто выглядит конец подобных распутников по сю сторону! Но так как по сю сторону нам у этого щеголя созерцать более нечего — ибо смерть, как вы привыкли говорить, уже сидит у него на языке в ожидании следующей минуты, — мы тотчас обратимся в мир иной и посмотрим, как наш «герой» будет туда вступать.

[09] Смотрите, там его ложе точно такое же, как и в мире! Он всё еще лежит на нем в том же облике. Но в то же время вы видите у его ложа лишь одного ангела с пылающим факелом в руке, дабы его духовным пламенем уничтожить последние капли жизненных соков щеголя!

[10] У таких людей является лишь один ангел потому, что в них душа и дух находятся в состоянии, подобном полной смерти. Лишь ангел-губитель, поставленный над плотью и нервным духом, должен исполнить здесь свое дело: а именно — как можно сильнее мучить и жечь плоть и нервный дух, чтобы тем самым вогнать истерзанные остатки души и столь же раздробленный дух обратно в нервный дух — и таким способом предохранить умирающего человека от вечной смерти!

[11] Он (ангел) не скажет этому человеку ни слова, но лишь пережжет его своим факелом из мира природного в этот мир духов; так обычно происходит с подобными людьми, и так должно происходить, ибо без такой последней милостивой манипуляции они лишились бы самого своего существования.

[12] Этот акт подобен искаженному языческому мифу о Прометее. Ибо более духовные первобытные люди видели подобные действия в мире духов, которые тогда, конечно, случались несравненно реже, чем в наше время, превзошедшее по своей чувственности Содом и Гоморру. Так об этом сохранились сказания, но спустя пару тысяч лет они оказались безмерно искажены.

[13] Но здесь снова предстает тот же самый Прометей — в своей подлинной, неискаженной деятельности. — Но смотрите, вот одинокий ангел успешно завершил свой труд; плоть нашего щеголя здесь видимым образом насквозь сожжена в пепел, и

— глядите — из пепла поднимается совсем медленно и вяло вовсе не прекрасная, помолодевшая птица Феникс, о нет, но — смотрите — лишь глупая обезьяна, выглядящая как старый, дряхлый павиан! Она совершенно нема, лишь видит немного.

[14] Причина животного обличья в том, что подобные люди на протяжении всей своей беспутной жизни полностью расточают в сладострастии тонкие специфические частицы человеческой души, сохраняя в остатке лишь более грубые, животные. У этого человека осталась хотя бы душа обезьяны. Но есть и другие, что доходят до того, что превращают себя в мерзейших амфибий!

[15] Относительно этого человека сейчас еще нельзя определить «воду его жизни»; ибо он должен теперь, как вы привыкли говорить, отправиться «на постой» и будет передан духам, поставленным над такими выродившимися животными душами. Возможно, всеми стараниями через сто лет они добьются того, что эта душа вновь обретет человеческий облик.

[16] Более об этой душе ничего описать нельзя; посему в следующий раз — другой пример.

Сцена пятая: Раба моды. — 6 августа 1847 г.

[01] Здесь следует еще одна преждевременная смерть — смерть молодой «героини моды», которая на балу слишком самозабвенно предавалась танцам, чтобы вытанцевать себе какого-нибудь молодого и богатого жениха, но вместо этого вытанцевала себе лишь раннюю смерть.

[02] Девятнадцатилетняя девушка, обладающая весьма миловидным телом, была приглашена на благородный светский бал; это приглашение она, разумеется, с согласия родителей, приняла с величайшей готовностью. Тотчас были осмотрены модные лавки, в которых, к счастью, среди тысячи товаров нашелся один, достойный нашей приглашенной красавицы. Затем она отправилась к лучшему портному, причем с указанием изготовить платье не просто по последней парижской или лондонской моде, но, по возможности, по последней мадридской или нью-йоркской, дабы на столь блестящем балу явиться в чем-то необычайном, произвести величайший фурор и прослыть исключительным явлением!

[03] Портной не на шутку встревожился из-за такого заказа, поскольку уже знал свою клиентку и то, сколькими дюжинами капризов она была одержима в подобных случаях. Поэтому он собрал все свои силы и действительно изготовил шедевр бального платья к полному удовлетворению заказчицы; ведь платье можно было надевать без шнурованного корсета, и всё же благодаря множеству тончайших эластичных лент оно так стягивало туловище, что наша героиня в талии была тоньше, чем в своей круглой шее.

[04] Это платье нью-йоркской моды и стало, собственно говоря, причиной её ранней и почти внезапной смерти; ибо, будучи на балу королевой красоты и грации, она с таким неистовством танцевала с неким молодым и богатым «обезьяной-кавалером», который ей очень приглянулся, что от чрезмерного сдавления в легких у неё лопнул крупный

кровеносный сосуд, и от последовавшей за этим сильной потери крови она через несколько минут превратилась в труп.

[05] Когда она рухнула на танцпол и из её розовых уст хлынул поток крови — к ужасу всех многочисленных, тоже не слишком слабо зашнурованных девиц и дам, — к ней, конечно, бросились родители, родственники и врачи; они сорвали с неё одежды, обливали ледяной водой и давали лекарства, которые она, будучи уже совершенно мертвой, естественно, принимать не могла.

[06] Все плакали и громко причитали. Родители и этот рыцарственный «обезьяна-любownik» в отчаянии рвали на себе волосы. Другие проклинали такую судьбу, третьи жалели несчастную. Многие покинули танцевальный зал, унося домой некое «nota bene» (предостережение), но, конечно, вразумились они не больше, чем воробьи, которых выстрел спугнул с крыши.

[07] Здесь, в этом случае, мы в мире духов не увидим ничего особо значимого; но, тем не менее, вам следует увидеть, как выглядят подобные переселения в духовный мир.

[08] Смотрите, вот наша героиня всё еще лежит, скорчившись на полу, испачканном явной кровью, а там, поодаль, вы видите духа-ангела, стоящего со скрещенными на груди руками! Лик его выражает печаль, то есть своего рода меланхолию, которую испытывает такой ангел-хранитель в подобных случаях крайнего человеческого безрассудства, когда он при всём своём попечении не в силах им помочь.

[09] Что же теперь будет делать этот скорбящий ангел? Смотрите, он приближается к девушке, которая и в мире духов видится как труп! Вот он рядом с ней и говорит: «О ты, безумное создание! Что же мне пробуждать в тебе, если всё в тебе мертво, куда ни брошу я свой взор?! О Господи, воззри милостиво! Здесь не хватает сил, которыми Ты меня наделил; посему прости Свою всемогущую руку и поступи с этой безумицей по благоволению Твоему!»

[10] Теперь смотрите: вон уже идет другой, совершенно огненный ангел! Вот он здесь, и — смотрите — его огонь охватывает мертвую и в мгновение ока обращает её в пепел. (В природном мире этого нельзя заметить, так как сей акт касается лишь душевного тела.) Теперь в пепле начинает что-то шевелиться. Ангел молится над этим прахом. Последние слова его молитвы: «Господи, да будет воля Твоя!»

[11] После этого второй ангел покидает прах, который шевелится всё сильнее; первый же ангел остается. Это шевеление есть не что иное, как новое упорядочивание полностью разрушенных, рассеянных и крайне расстроенных специфических частиц души, что происходит ныне непосредственно Моей силой. Теперь же тотчас обнаружится, сколько и чего еще осталось от души этой девушки! —

[12] Смотрите, вот поднимается темно-серое облачко! Облачко обретает всё более четкие очертания. — И вот, смотрите, перед нами уже некое существо! Вы вряд ли сможете сравнить его с чем-либо подобным на земле! Голова — как у летучей мыши, тело — как у гигантской саранчи, руки — как гусиные лапы, а ноги — как у аиста! — Как вам нравится такая «мода» как плод той, мирской? — Впрочем, в самом обличье не

было бы ничего столь уж исключительного; но то, что эта безумица, будучи почти самоубийцей, вряд ли когда-либо вступит в светлые обители небес — это совсем другое дело! —

[13] Пройдет, пожалуй, несколько сотен лет, прежде чем она обретет человеческий облик, и то лишь весьма болезненным путем! Впоследствии же она будет в мире духов тем, чем являются альбиносы на земле, а именно — светобоязненной. —

[14] Более здесь нечего созерцать и нечему учиться, посему в следующий раз — другой пример.

Сцена шестая: Полководец. — 10 августа 1847 года

[01] Посмотрите, мы находимся в королевских роскошных покоях. Здесь всё блестит от золота, серебра и драгоценнейших камней, а на стенах — ценнейшие, по мирским меркам, картины. Пол комнаты устлан тончайшими азиатскими коврами, а огромные окна с зеркальными стеклами завешены гардинами, одна из которых стоит столько, что тысяча бедняков могла бы кормиться на эти деньги целый месяц. Шкафы, столы, софы, стулья и множество других королевских предметов обстановки огромной стоимости украшают залу; всё помещение благоухает благовониями. Знаменитейшие врачи окружают богато украшенную золотом постель, в которой земной высокопоставленный больной тщетно ждет исцеления.

[02] Консилиумы собираются один за другим, лекарства меняются каждый час. В соседней комнате двое монахов, сменяя друг друга, непрестанно молятся по латинским книгам с красно-черной печатью; во всех молельных домах и часовнях служат торжественные мессы за здоровье нашего великого полководца. Но всё это не помогает. Ибо от этой «полководческой болезни» нет спасения ни в аптеке, ни в breviarii, ни в молитвеннике; здесь звучит лишь одно: «Приди и покажи, каковы дела твои!».

[03] Посмотрите на больного — как храбро он держится! Но эта храбрость лишь видимость, ибо внутри наш герой готов согнуться от страха и отчаяния; при этом он проклинает свою мучительную болезнь так, как гусар проклинает непослушного коня. Картина выходит складная: там молятся монахи — разумеется, с таким рвением, равного которому не сыскать, но в котором тайно примешано и совершенно противоположное желание *propter certum quoniam* (в силу определенных причин), — но редкость увидишь такое: пока за него «для виду» молятся, он матерится так, что просто позор!

[04] Но боль становится всё сильнее, почти невыносимой, и наш пациент, воспылав от этого яростью, внезапно вскакивает к ужасу окружающих и кричит во всё горло: «О, проклятая блядская жизнь! Неужели Ты, Творец — если Ты вообще существуешь — не можешь забрать её у меня менее болезненным способом?! На такую блядскую жизнь пусть насрут все черти, если они есть; я бы и сам это сделал, если б только мог! Эй вы, тупейшие скоты-врачи, вы все вместе не стоите и щепотки пороха! Дайте мне заряженный пистолет, чтобы я сам прописал себе лекарство в мозг от этой собачьей и блядской жизни — лекарство, которое одним хлопком избавит меня от дальнейших мук!»

[05] Протомедик приближается к кровати, хочет пощупать пульс и просит пациента успокоиться. Но высокий пациент выпрямляется и говорит: «А ну пошел сюда, падаль, скверный пес, а не врач! Дай-ка я на тебе вымещу свою праведную ярость! Ступай ко всем чертям, тупая тварь! Опять хочешь мучить меня опиумом?! Смотрите, как умны эти каналы: как только они заходят в тупик, то сразу несут опиум, чтобы больной заснул, а они на несколько часов избавились от заслуженных упреков, втихомолку смеясь в кулак и уже подсчитывая, сколько каждый из них сможет затребовать себе после моей смерти! Ха-ха-ха, ну что, я насквозь вижу ваши планы! Прочь отсюда, злые псы, иначе я остатками сил прикончу ваши мерзкие душонки! Эй, а что это за две черные каналы там в соседней комнате?! Что они делают, эти гады? Небось, молятся за мою душу? Кто их звал?! Вон их отсюда, не то я встану и перестреляю их как собак!»

[06] Посмотрите, после этой мощной полководческой детонации монахи весьма проворно пускаются наутек; врачи всё более нервно пожимают плечами, а пациент замолкает и начинает хрипеть, при этом лицо его искажается в ужасающих судорогах. Мы же, раз здесь за пациентом наблюдать больше нечего, тотчас отправимся в мир духов и вкратце проследим за тем, как наш герой вступит в него.

[07] Смотрите, мы уже там, и на таком же ложе лежит пациент в точно такой же комнате. Он всё еще хрипит, как вы легко можете заметить, его дыхание мучительно тяжело, и он кусает язык от тайной ярости своей разгневанной души.

[08] Но там, посмотрите, уже стоит наготове единственный ангел-губитель, чтобы освободить разгневанную душу нашего героя от её сверхгордой и высокомерной аристократической плоти. Ангел вооружен пламенным мечом — в знак его великой силы, дарованной Мною, и в знак его мужества и полного бесстрашия перед такими земными великими героями, как и перед всем адом.

[09] Смотрите, в часах времени упала последняя песчинка для этого героя, и ангел касается его своим пламенным мечом и говорит: «Восстань, о слабая душа, а ты, гордая пыль, пади обратно в море своего бездонного ничтожества!»

[10] Посмотрите, теперь тело исчезает, и более не видно ни ложа, ни комнаты, полной земного великолепия. Вместо этого поднимается, как вы можете заметить, совершенно темно-пепельно-серая, позорно чахлая душа, стоящая на зыбучем песке, который грозит её поглотить. Гневно, растерянно и робко озирается она вокруг — и не видит ничего, кроме самой себя. Но видит она себя совсем не так, как видим её мы: она всё еще видит себя полководцем, украшенным всеми орденами и шпагой.

[11] «Где же я?» — говорит теперь герой. — «Какой черт притащил меня сюда? Ничего, и снова ничего! Куда ни гляну — повсюду пустота. Смотрите, даже под ногами у меня ничего нет!»

[12] «Неужели я лунатик — или я сплю? Или я действительно умер? Ах, это же чертовски глупое состояние! Я теперь вполне здоров и не чувствую боли, помню каждую мелочь своей жизни. Да, я был тяжело болен; я разнес этих глупых врачей, прогнал к чертям двух лицемеров и также — конечно, из-за слишком сильной, невыносимой боли —

наговорил Творцу в пылу гнева несколько грубостей в лицо; всё это я прекрасно помню! Также я знаю, что был очень зол и от ярости мог бы всё разорвать в клочья. Но теперь всё это прошло. Всё было бы ладно, если бы я только знал, где именно нахожусь и что со мной произошло?!»

[13] «Вокруг меня вроде бы есть немного света; но чем дальше я устремляю взор, тем становится темнее, и я не вижу ничего, ничего, ничего и снова ничего! Это же проклятье! Воистину, кто тут не станет дьяволом, тот им не станет вовеки!»

[14] «Странно, странно, я становлюсь всё бодрее, всё живее, — но и вокруг меня становится всё пустее. Наверное, я в каком-то летаргическом сне? Но те, кто им поражен, должны слышать и видеть всё, что происходит вокруг, — я же не слышу и не вижу ничего, кроме себя, значит, это не летаргия».

[15] «Здесь ни холодно, ни жарко, и не совсем темно, хотя свет, право, не ослепляет! Что мне непонятно: в этом одиночестве я к тому же очень весел и оживлен, так что мог бы сойти за паяца, — и всё же, судя по всему, я в чреве матери не был в меньшем обществе, чем здесь! Воистину, если бы здесь была какая-нибудь штучка, э-э, такая вещица — ну, такая штучка — да, да, именно — если бы со мной было такое „человеческое существо“, право, я мог бы даже забыть, что я — да ну его к лешему, этого полководца вместе с его пятью дюжинами знатных предков! Воистину, за „человечка“ самого низкого сословия я бы сейчас всё отдал!»

[16] «Но если бы я только мог узнать, где я на самом деле?! Если это затянется, такое состояние может стать чертовски скучным! Слышал я когда-то о Боге — пожалуй, обращусь-ка я к нему всерьез. Раньше я, конечно, повел себя с ним резковато, но он, если он вообще есть, не примет это так уж близко к сердцу. — Эй, Боже мой, Господин мой! Если Ты есть, помоги мне выбраться из этого странного, рокового положения!»

[17] И вот, посмотрите, тотчас является ангел и говорит: «Друг, в этом положении ты будешь оставаться до тех пор, пока из тебя не выйдет последняя капля твоей гордыни, и тем самым не будет оплачена последняя капля крови из той крови, которую ты пролил у многих тысяч своих братьев! Сбрось с себя все свои полководческие знаки отличия, и тогда ты обретешь твердую почву, больше света и общество, — но берегись подобных себе, иначе ты погиб! А прежде всего обратись к Господу, и тогда путь твой будет коротким и легким, аминь».

[18] Смотрите, но этому совету наш герой пока еще не следует. Поэтому ангел покидает его, и он еще несколько сотен лет будет оставаться в таком подвешенном состоянии.

[19] По этому уже можно судить о его «закваске», поэтому более о нем — ни слова.

Седьмая сцена: Папа Римский. — 11 августа 1847

[01] На этом примере мы начнем сразу с потустороннего мира и рассмотрим человека, который играл в мире огромную роль и в конце концов возомнил, будто мир существует лишь ради него, и он может делать с ним всё, что захочет, поскольку присвоил себе звание официального наместника Бога — причем в гораздо большей степени, чем

многие другие ему подобные. Но, несмотря на это, ему всё же пришлось «закусить удила», и от этого его не спасло ни присвоенное величие, ни мир, ни статус наместника Божьего.

[02] Посмотрите туда: глубоко за полночь медленным шагом бредет чрезвычайно худощавая мужская фигура очень темного цвета, пытливо озираясь вокруг и вглядываясь то в одну сторону, то в другую!

[03] В его компании вы видите человечка, похожего на угольно-черную обезьяну, который суетливо вертится вокруг нашего героя и делает вид, будто у него с этим человеком есть крайне важные дела. — Но давайте подойдем поближе, чтобы вы могли услышать, какие странные разговоры ведет сам с собой этот человек, который не видит своего спутника так же, как и нас.

[04] Вот мы уже совсем рядом; слушайте, он говорит: «Всё ложь, всё обман, и самый обманутый — самый счастливый; но несчастен обманщик, если он обманывает сознательно! Если же он обманщик невольный и лжет, не зная того, то его можно поздравить: ведь тогда один осел тянет другого, и оба довольны худшим кормом. — Но я, кто же я? — Я был главой, все должны были верить и делать то, что я приказывал; я же делал, что хотел, ибо держал ключи власти в своих руках как тот, кто берет их, не спрашивая, имеет ли на то право. Я знал всё; я знал, что всё это лишь ложь и обман, и всё же навязывал эту ложь каждому под страхом сурового наказания, требуя принимать всё исходящее от меня за чистую истину.

[05] На свете я считал так: смерть тела есть ультиматум всему существу. Это была моя тайная, твердая вера, и вся мудрость мира не смогла бы дать мне иной! Лишь это я считал истиной — и вот, и это оказалось ложью; ибо я продолжаю жить, хотя телом и умер.

[06] Я велел проповедовать о рае, чистилище и аде с тысяч церковных кафедр, давал индульгенции, канонизировал множество умерших, предписывал посты, молитвы, исповедь и причастие — и вот теперь я стою здесь и не знаю, куда преткнуться! Если бы существовал суд, я был бы уже осужден. Если бы существовал рай, я имел бы на него первое право, ибо, во-первых, я стал наместником Церкви Христовой по воле Божьей; и то, что я делал в этом сане, наверняка было лишь высшим соизволением, ибо без него, согласно Писанию, и волос с головы не упадет, и воробей с крыши не слетит.

[07] Итак, я исповедовался и причащался по древнему уставу, хотя легко мог бы освободить себя от этого, имея власть отменить исповедь и причастие для всех навеки — чего я, однако, не мог и не хотел делать из политических соображений. — Если бы существовал ад, то нашлось бы достаточно причин, чтобы я оказался в нем; ибо пред Богом всякий человек — человекоубийца! По крайней мере, я должен был оказаться в чистилище, ведь оно положено каждому хотя бы на три дня! Но ни того, ни другого мне не дано — а значит, Бог, Христос, Мария, рай, чистилище и ад — всё это лишь ложь и обман! Человек живет лишь силами природы, а мыслит и чувствует лишь благодаря концентрации этих сил в нем, которые, вероятно, соединяются в вечное и неразрушимое

единство. Моей задачей теперь будет изучить эти силы поближе и, на основе этого знакомства, основать себе собственный рай.

[08] Но я постоянно чувствую какое-то подергивание за мою папскую тогу! Что бы это могло быть? Неужели рядом со мной какой-то невидимый дух, или это просто ветер? В самом деле, странно в этой бесконечной пустыне: куда ни пойдешь, всё равно вечно остаешься один. Можно звать, кричать, ругаться, проклинать или молиться кому угодно — ничего не шелохнется, и ты остаешься таким же одиноким, как и прежде! Прошло, должно быть, уже несколько лет, как я умер на земле весьма болезненным и роковым образом — и я по-прежнему один, и под ногами лишь голая пустыня! Места здесь много, это правда, но где я, что со мной будет в будущем — буду ли я жить вечно или когда-нибудь исчезну насовсем — это неразрешимая загадка.

[09] Итак, живо за исследование сил природы во мне, и через близкое знакомство с ними скоро выяснится, что из меня выйдет!»

[10] Слышали вы теперь, как он рассуждает — он, наместник Бога на земле? О, он еще долго будет так рассуждать в одиночестве, ведомый внушениями своего невидимого спутника; ибо удел людей, стоявших на земле столь высоко, всегда один и тот же — одиночество, так как на земле они изолировали себя выше всего остального.

[11] Эта изоляция всё же является для них великой милостью; ибо только так возможно вернуть их на истинный путь. Но это длится очень долго; они должны пройти через все степени ночи и тьмы, нужды и боли, которая царит в аду.

[12] Когда такой ревнитель пройдет этот «соло-тур» — лет через пятьсот, тысячу или даже десять тысяч — только тогда он попадает в общество суровых духов. Если он не подчинится им, его снова оставляют одного, и тогда перед его взором предстают все злодеяния, совершенные при нем или при его предшественниках; при этом он должен вкусить все страдания, которые вкусили все преследовавшиеся при нем или его предшественниках. Если и это лечение не помогает, его оставляют как есть; лишь голод и жажда даются ему в спутники — эти два воспитателя, которые, за редким исключением, со временем исправляют почти каждого.

[13] Вот вам еще одна картина, из которой вы можете ближе узнать потусторонний мир и ту «воду», в которой приходится плыть такому вождю, пока он не достигнет берега смирения, истины и любви. Посему — более ни слова об этом человеке.

Сцена восьмая: Министр. — 12 августа 1847

[01] Поскольку великие мира сего тоже должны умирать, против каковой крайне роковой особенности жизни они до сих пор не смогли основать ни одного страхового общества, и при всей своей политике и дипломатии так и не достигли успеха в этом деле, то и нашему министру пришлось наконец собраться и сменить земное на вечное.

[02] Умирание для таких людей — пожалуй, самое неприятное явление на свете, но ангела-губителя это мало заботит. В ком он находит отмеренную меру полной, того берет он без пощады и прощения!

[03] Наш министр, человек, которому весь мир поклонялся за его житейскую мудрость, в своем почтенном возрасте был свален на одр болезни подагрической лихорадкой, которая пыталась его полмесяца, и тем сильнее, чем больше лекарств он принимал для избавления от этого недуга. К концу он преисполнился гнева и грозил врачам арестом, если они в скором времени не смогут или не захотят его вылечить.

[04] Но вместо того чтобы исполнить угрозу, на шестнадцатый день болезни он впал в забытие, от которого в этом мире уже не очнулся, за исключением краткого часа перед самым концом, когда он успел составить небольшое завещание о том, что должно стать с его огромным состоянием; при этом о бедных, как это обычно бывает у таких людей, было проявлено лишь самое скудное попечение; ибо что значат пара тысяч гульденов против оставленных миллионов?!

[05] Также для проформы было упомянуто пожертвование церкви, но не из какой-то слепой веры — ибо вера у такого человека либо редка, либо отсутствует вовсе, и всё, что он делает, есть чистая политика, — а лишь потому, как сказано, что того требует политический обычай.

[06] После этого последнего волеизъявления он откинулся на постель и умер, так и не исповедовавшись и не причастившись — актов, которые он и без того ни во что не ставил. На этом с ним для этого мира было покончено навсегда; поэтому и мы не будем дольше задерживаться у его трупа, а тотчас отправимся «на ту сторону» и посмотрим, какую мину соорудит там наш сверхгордый аристократ.

[07] Смотрите, вот мы уже и здесь, и наш человек уже стоит перед нами в своем полном парадном мундире, а перед ним — четыре ангельских духа под покрывалами, из которых он видит только последних. Место в точности представляет его государственный кабинет, в котором он еще намеревался заняться важными делами и привести их в порядок.

[08] Он видит этих четверых в своем тайном кабинете и едва сдерживается от ярости из-за ужасающей дерзости этих, по его мнению, «мошенников». Он вскакивает и хватается за колокольчик, хочет позвонить, но колокольчик не издает ни звука.

[09] «Измена! Государственная измена!» — кричит он во всё горло. — «Как вы, жалкие ничтожества, попали в эту комнату, доступную только мне одному, где хранятся и обрабатываются сокровеннейшие и святейшие тайны государства?! Знаете ли вы, что за такую государственную измену полагается смерть?! Кто из вас испортил колокольчик, так что он в этот решающий момент не может издать ни звука? Признавайтесь, нечестивцы, кто из вас был зачинщиком?!»

[10] Первый ангел говорит: «Выслушай с глубочайшим вниманием и терпением то, что я возвещу тебе! Я хорошо знаю тот порядок, согласно которому в мире ни один человек, кроме короля, не смеет входить в эти покои. Будь ты еще в мире, ты бы не увидел нас здесь. Но смотри, ты умер телом и находишься теперь в мире духов, где есть только один Господь, в то время как все остальные духи — братья, добрые или злые, в зависимости от того, как они поступали на земле. Посему мы имеем от Господа всегдашнее,

проистекающее из любви право посещать каждого и предлагать ему свои услуги, если он, как ты, еще доступен для нас.

[11] Поручение же единого Господа тебе через нас состоит в том, чтобы мы возвестили тебе следующее: здесь, в этом вечном мире, для тебя закончились всякая мирская честь, положение и политика; и этот покой, твое платье и все эти твои мнимые важнейшие государственные бумаги — лишь обман и плод твоей фантазии, всё еще чрезмерно привязанной к миру, и они исчезнут, как только ты последуешь за нами. Если ты последуешь за нами, то путь твой в истинное, вечное царство жизни будет легким, и там ждут блаженства без меры и числа; если же не последуешь, то тебе будет крайне тяжело достичь Божьего царства жизни! Ибо смотри, ты был в мире, по Божьему допущению, великим человеком и имел огромную власть; но через эту власть в тебе пробудилась и могущественная властолюбие, которое привело тебя ко многому, что не основано на божественном порядке. Также эта мирская власть в виде жажды господства лишила тебя веры в Господа и во многом любви к ближнему, сделав тебя совершенно негодным для Царства Божьего.

[12] Но смотри, Господь знает, какое тяжелое бремя тебе пришлось нести, и имеет к тебе великое милосердие. Поэтому Он послал нас к тебе, дабы ты был спасен и возвышен, а не погиб под своим великим мирским бременем, принесенным с собой. Не думай здесь о суде; ибо в царстве свободы духа нет суда и нет судьбы, кроме собственной свободной воли каждого человека! Не думай также об аде. Он нигде, кроме как в самом человеке, если он сам создает его в себе своим злом. Также не думай о небе как об обещанной награде за добрые дела; но слово Господа Иисуса да будет твоей волей, через него ищи Его одного! Если Он у тебя есть, то у тебя есть все небеса и совсем иная власть из любви, чем та, что была у тебя в мире из твоей житейской мудрости и высокого положения. Теперь ты знаешь всё; поступай так, как позволяет тебе твоя свободная воля во имя Господа Иисуса. Аминь».

[13] Министр говорит: «Воистину, речь ваша мудра и ручается мне за то, что всё обстоит именно так, как вы мне возвестили. Теперь мне совершенно ясно, что я умер плотью. Но то, что некий иудей Иисус должен быть единственным Богом и Господом, — этого я не постигаю! А как же тогда „Отец“ и „Святой Дух“? Посмотрите, это не согласуется с собственным учением Иисуса, который был первым, кто повсеместно учил о божественной Троице! Поэтому простите мне, что я не могу так быстро последовать за вами, как вы того желаете, — разве что вы быстро убедите меня в этом!»

[14] Говорит ангел: «Брат, это происходит не так быстро, как ты думаешь. Прежде всего сними свое государственное платье и надень другое — смирения и полного самоотречения, тогда ты вскоре получишь полнейшее убеждение в том, что сейчас кажется тебе непостижимым».

[15] Министр отвечает: «Что ж, принимайте меня и наставляйте, и заботливо соскребите всё мирское с моей души, а там видно будет, чего стоят ваши слова».

[16] Тогда три других ангела подходят, снимают с человека государственные одежды и надевают на него вместо них пепельно-серые, весьма оборванные и довольно грязные.

И второй ангел говорит ему: «Теперь ты облачен в одежду смирения. Но одного этого недостаточно, ты должен быть смиренным на деле. Поэтому следуй за нами!»

[17] Человек следует за ними, и смотрите, они приходят к крестьянскому двору и говорят ему: «Смотри, здесь живет суровый человек, и у него огромные стада свиней. У него ты должен служить и быть доволен всем, что он даст тебе в награду; и если он будет суров и несправедлив к тебе, ты должен переносить всё с терпением и искать справедливости лишь в милости и сострадании Господнем.

[18] Если он будет бить тебя, не бей в ответ; но, как раб, подставляй ему спину, подобно тому как на земле — согласно воинской субординации — ты часто видел, как бедный солдат должен был безвольно ложиться на скамью и выносить суровое, часто крайне несправедливое наказание! Если ты перенесешь всё это с истинным терпением, то тебе будет дарована лучшая доля!»

[19] На это человек говорит: «Премного благодарен за такое руководство! Верните мне мое государственное платье, вы, обманщики; я сам проложу себе путь! Посмотрите-ка на эти лохмотья; из такого, как я, в чьем роду по меньшей мере двадцать предков, они хотят вот так просто сделать свинопаса! О, будь я еще в мире, я бы вам так отплатил, что вы бы надолго запомнили! Эти бродяги еще выдают себя за Божьих вестников! Нет, погодите, это „божье вестничество“ еще дорого вам обойдется!»

[20] Смотрите, ангелы возвращают ему государственное платье и говорят: «Как хочешь. Вот твоя земная одежда! Если не хочешь идти путями жизни, иди своими; наше же служение тебе окончено».

[21] Теперь посмотрите, в какую «воду» входит наш человек; долго ему придется там плыть, пока он не вступит на путь блудного сына, возвращающегося к Отцу.

[22] Поэтому пусть каждый бережется властолюбия; ибо оно всегда влечет за собой одни и те же последствия. — В следующий раз другой пример.

Девятая сцена: Епископ Мартин. — 13 августа 1847

(Примечание: в оригинале здесь отсылка к отдельной книге «Епископ Мартин», поэтому сцена в данном цикле пропускается).

Десятая сцена: Бедняк. — 16 октября 1848

[01] Далее следует ещё одна краткая сцена из мира духов — смерть или, точнее, переход из этой земной испытательной жизни в истинную вечную жизнь духа бедного подёнщика, из тех людей, которых сильные мира сего называют «падалью», «каналей» и «жалким отребьем».

[02] Пойдемте же со Мною в беднейшую коморку, которая больше похожа на медвежью берлогу, чем на комнату, пригодную для жилья людей. Внутреннее пространство едва составляет две кубические сажени. В эту дыру ведет сильно поврежденная дверь, над которой есть отверстие в две пяди длиной и в одну пядь высотой; через него падает свет, сильно преломленный и ослабленный грязной стеной соседского богатого хлева. Этот

свет освещает внутренность лачуги ровно настолько, чтобы семь её обитателей не выкололи друг другу глаза. В этом «шедевре» жилой архитектуры нет ни печи, ни очага; место последнего в углу занимает грязный, необтесанный известняк высотой едва в фут, на котором бедные обитатели этой истинной «медвежьей могилы» варят себе скудную трапезу, если им посчастливится добыть трудом или милостыней необходимые припасы.

[03] Nota bene: за это «великолепное» жилище эти бедняки должны платить богатому домовладельцу ежемесячно 1 флорин 30 крейцеров и при этом остаются весьма довольны, потому что хозяин хотя бы не слишком их преследует, если они не могут заплатить аренду точно первого числа, а часто ждет даже две недели. Да, их домовладелец «настолько добр», что из-за болезни их бедного семидесятилетнего отца он выделил им 30 фунтов плесневелой ржаной соломы за 20 крейцеров и также ждал оплаты целых десять дней! Воистину, такой «сердечный» и «терпеливый» хозяин когда-нибудь тоже сможет претендовать на милосердие и терпение у Меня, Господа!?

[04] Теперь посмотрите: там, в самом темном углу этой дыры, на той самой «свежей» соломе за 20 крейцеров и лежит наш бедный подёнщик. Несколько лет назад во время тяжелых строительных работ он упал с плохих лесов, сломал две кости в ребрах и руку. Его отвезли в больницу для бедных, но там врачи полгода тиранили его, а затем, крайне плохо залеченного, выписали как «выздоровевшего» согласно медицинскому заключению.

[05] С тех пор он стал болезненным, слабым и неспособным к тяжелому труду. Он перебивался вместе со своей также больной и слабой женой и пятью дочерьми (старшей из которых четырнадцать лет), занимаясь мелкими работами, доступными его силам, а иногда и благодаря милостыне, которую его жена или дети выпрашивали у редких мягкосердечных людей. Старость, слабость, холод и скверная пища, а также незажившая рана на ребрах окончательно свалили его на этот жалкий одр болезни, где мы и застаем его.

[06] Истощенный, как египетская мумия времен фараонов, страдающий от болей во всем теле (его бедра, копчик и выступающий на дюйм позвоночник превратились в сплошную рану от жесткого ложа), с абсолютно пустым желудком, он, терзаемый жгучим голодом, говорит надломленным голосом своей жене: «Матушка, неужели у тебя совсем ничего нет? Ни кусочка хлеба? Ни теплого бульона? Ни вареной картошки? О Боже, Боже! Как же я ужасно голоден! От боли не могу шевельнуться, да еще и этот голод! О Боже мой, Боже мой! Избавь же Ты меня наконец от этих мук!»

[07] Отвечает жена, которая от изнеможения и голода едва может стоять: «О мой бедный, дорогой муж! Еще в шесть часов утра трое старших детей ушли просить помощи у добрых людей, и вот уже три часа дня, а никто не вернулся! Я вся дрожу от страха, что с ними случилось что-то недоброе. О Иисус и Мария! Вдруг они бросились в воду или попали в безжалостные руки полиции?! У меня руки и ноги трясутся! Иисус да укрепит тебя; я же, с Божией помощью, соберу последние силы и пойду прямо в полицию узнать, не знают ли они, куда делись наши бедные дети!»

[08] Говорит больной: «Да, да, дорогая мать, иди, иди — мне тоже невыносимо страшно и тревожно! Но не задерживайся долго и принеси мне что-нибудь поесть, иначе я умру от голода! Подумай — уже два полных дня, как мы все ничего не ели. Вдруг бедные девочки где-нибудь упали от бессилия?! О Боже мой, Боже мой, неужели все беды мира должны обрушиться на меня!»

[09] Женщина уходит, и едва она оказывается на улице, как видит судебного пристава, который гонит перед собой троих её детей. Мать, увидев это, вскрикивает от ужаса и говорит, воздев руки к небу: «Боже правый! О Иисус! Это же мои бедные дети!»

[10] Дети, задыхаясь от плача, кричат матери: «О мама, мама! Этот дикий человек поймал нас в переулке, где мы просили милостыню для нашего умирающего отца. Он запер нас в темной комнате и сказал, что уже не раз видел, как мы побираемся. Потом пришел еще более отвратительный человек, который выглядел как господин; он велел высечь нас розгами, хотя мы умоляли его на коленях, и теперь у нас вся спина в крови! Он грубо допрашивал нас, где мы живем, и когда мы от боли едва смогли назвать адрес, он приказал этому дикарю, который нас так страшно бил, отвести нас домой. О мама, мама, как же это больно!»

[11] Мать, едва находя слова, глубоко вздыхает ко Мне, говоря: «О Господи, Ты — самый справедливый Бог! Если Ты жив, как Ты можешь смотреть на такие злодеяния и оставлять их безнаказанными? О мой Боже, как Ты можешь допускать, чтобы такое горе обрушилось на нас!» И она горько плачет. Полицейский же запрещает ей рассуждать об этом на улице, чтобы не привлекать внимание прохожих, и велит ей немедленно вернуться в свое жилище.

[12] Мать оправдывается как мать и говорит сквозь слезы: «О господин, разве могу я не плакать? Мой семидесятилетний, смертельно больной муж лежит в голоде на голой соломе; мы все не ели два дня. Сейчас поздняя осень, сыро и уже очень холодно, а у нас нет ни щепки дров, чтобы согреть наше сырое и холодное жилье. Я сама слаба и больна. Эти три девочки были нашей единственной опорой, а вы их избили до полусмерти! О Боже! Как я могу молчать? Как вы можете запрещать мне справедливый плач? Разве вы не человек, не христианин?!»

[13] Здесь полицейский хочет оттолкнуть её назад; но из-за угла выбегает отважный человек и кричит полицейскому: «Стой, друг! Досюда — и ни на волос дальше! — Вот тебе, бедная мать, 30 флоринов; распорядись ими как знаешь. А ты, бесчувственный палач, немедленно убирайся отсюда, иначе я всажу пару пуль в твой тигриный череп!»

[14] Полицейский хочет арестовать благодетеля за эту угрозу; но незнакомец тотчас вынимает заряженный пистолет из внутреннего кармана сюртука и направляет его на пристава. Тот, разумеется, решает, что благоразумнее будет поскорее скрыться, чем получить свинец от этого человека, выглядящего теперь предельно серьезно.

[15] Когда пристав исчезает из виду, этот человек так же тихо и спокойно продолжает свой путь. Мать и трое детей долго посылают ему вслед благодарственные поцелуи. Мать, поддерживаемая тремя избитыми дочерьми, которые от радости совершенно

забыли о боли, спешит в ближайшую лавку и покупает хлеб, немного вина и мяса. Трактирщик, конечно, делает подозрительное лицо, получая от этого «сброда» банкноту в 10 флоринов. Но он думает: «Деньги есть деньги, украдены они или добыты честно», меняет купюру и выдает просимое.

[16] Пospешив домой, они застают бедного отца плачущим от боли и голода. Мать тотчас дает ему хлеба и вина, а старшая дочь бежит к ближайшему бакалейщику и покупает на несколько грошей дров, огниво, а также полфунта свечей.

[17] Когда она возвращается, то к своему ужасу видит у дверей два полицейских патруля. Они поспешно вернулись, чтобы либо застать здесь того благодетеля, либо, в противном случае, выпытать у бедной женщины сведения о его личности и месте жительства. А если женщина не даст ответа, её велено арестовать.

[18] С этим «доблестным» намерением, полученным от управления полиции, они входят вместе с бедной девочкой в темную комнату, требуя немедленно зажечь свет и угрожая женщине, что она должна выдать всё о том мужчине, иначе её заберут в участок. Бедная женщина, услышав это, падает от страха. Старшая дочь, дрожа, зажигает свет, и два пристава, увидев на полу почти нагого больного, едва прикрытого лохмотьями, поначалу содрогаются, но вскоре приходят в себя и начинают допрашивать полуживую женщину о том самом человеке.

[19] Женщина дрожит и не может ответить. Приставы принимают это за упрямство, рывком поднимают её с пола и хотят увести. Больной муж и пятеро детей молят о пощаде, но те двое безмолвно исполняют свою «прекрасную» службу.

[20] Но в тот момент, когда приставы уже держат женщину на пороге, появляется наш знакомый с еще тремя крепкими помощниками. Сначала они вырывают полумертвую от страха женщину из рук приставов, а затем так отделяют их, что те едва могут уйти, и угрожают им и всему их ведомству: «Во имя Бога! Если вы, подлые твари, осмелитесь еще раз ступить на это святое место, где живут Божьи ангелы, ждите от нас самой страшной мести! Мы не люди и не существа этого мира, мы — духи-хранители этих ангелов, проходящих здесь испытание плотью!»

[21] После этого четверо помощников исчезают. Приставы же, теперь уже совершенно присмиревшие, убираются восвояси, чтобы больше не возвращаться.

[22] Женщина вскоре приходит в себя и, благодаря Меня за это спасение, заботится о том, чтобы муж, который уже близок к концу, получил горячий суп. Суп готов, и его подносят старику с тысячью благословений; он съедает его с огромным аппетитом, благодаря Меня и своих близких.

[23] Немного окрепнув, он говорит жене и детям: «Ты, дорогая жена, и вы, мои любимые дети, много вытерпели из-за меня. Но вы также воочию убедились, что рука Господня сражалась за вас и прогнала ваших врагов, как злых призраков. Верьте же Господу и впредь; Он будет ближе всего к вам именно тогда, когда нужда ваша будет самой великой! Простите всех, кто был к нам — и особенно к вам — суров; они лишь

механические орудия слепой, властолюбивой полицейской власти и делают всё, не зная и не задумываясь. Только Господь будет им судьей!

[24] Несите свой крест с терпением и никогда не ищите счастья в этом мире; ибо счастливыцы этого мира — не Божьи дети. То, что кажется великим в этом мире, пред Богом — мерзость! Бойтесь мирского счастья больше всего на свете, ибо оно — величайшее несчастье для духа.

[25] Посмотрите, что проку было бы мне сейчас, будь я богатейшим жителем земли? На краю своего земного пути я видел бы впереди лишь верную вечную смерть. Но как всё иначе теперь! Смерть утратила для меня свои ужасы; для меня её больше нет! Я уже избавлен от всех земных страданий, и передо мной широко открыты прекрасные врата в Царство Божье».

[26] Смотрите, моё тело — это изношенное седло души для несения креста Господня — уже лежит холодным и мёртвым на жёсткой соломе. Но я, душа и дух, семьдесят лет обитавший в этом ныне мёртвом, отпавшем от меня теле, теперь свободен, уже живу вечной жизнью и не видел и не чувствовал смерти плоти; ибо в чудесный, едва осознанный мною миг я был освобождён от своей тяжкой ноши. Пощупайте тело и убедитесь, что оно совершенно мертво. (Жена и дети ощупывают тело и находят его холодным, застывшим и мёртвым). И смотрите: я всё же жив и говорю с вами теперь гораздо совершеннее, чем когда-либо прежде!

[27] Причина же этого в том, что я всегда верил в Иисуса Распятого и, насколько мог, поступал по Его заповедям. И как Он учил в храме — а именно, что не увидят и не вкусят смерти те, кто примет Его слово и будет жить по нему, — так это теперь подтвердилось на мне как вечная истина: ибо я сбросил тело, не почувствовав ни того, как, ни того, когда это случилось.

[28] Я не оставил вам никакого состояния, моя великая земная нищета — вот наследство для всех вас! Но радуйтесь этому; если бы слепые богачи земли знали, какое богатство для духа таит в себе земная бедность, они бежали бы от своих денежных мешков как от чумы! Но их великая слепота считает прибылью то, что убивает их навеки. Позволим же и им идти путём погибели. Вы же, если хотите в конце своего земного странствия быть так же счастливы, как я сейчас, — бегите от мирского счастья и никогда не ищите его!

[29] Поверьте мне, говорящему с вами уже из иного мира: чем больше чей-то крест и чем тяжелее его нести, тем легче и незаметнее будет его переход из этого мира материи в мир духа. Ибо всё, что следует за Христом, должно пройти путь плоти. Всё должно быть распято во Христе и умереть в Нём, иначе оно не сможет достичь вечного пробуждения и воскресения в Нём и через Него!

[30] Через бедность, нужду и другие жизненные тяготы плоть уже распинается и умерщвляется во Христе; поэтому каждый, кто живёт так, как жили мы и как ещё живёте вы, там, где богачи в конце своего земного счастья по-настоящему умирают, — пробудится и на своём кажущемся смертном одре пойдёт уже полное воскресение к вечной жизни! Ибо бедняк, предавший себя воле Господней, умирает постоянно, и

когда его путь завершён, он уже покончил со всякой смертью и потому не может более умереть, но лишь воскреснуть во Христе. — Совсем иначе обстоит дело с тем человеком, который непрестанно потакал своим страстям. Такой человек у цели своей плоти умирает по-настоящему и полностью, и по ту сторону его лишь с большим трудом — а то и вовсе никогда — можно будет пробудить.

[31] Всё это сохраните в ваших сердцах и будьте полны радости, если мир презирает вас, клеймит позорными именами и преследует всяким оружием своего злого, ожесточённого сердца. Ибо Господь всегда наблюдает за «нечестивцами» и знает их планы! Говорю вам: когда вы восстанете, они погибнут. Поэтому ищите прежде всего лишь Царства Божьего и правды Его; всё остальное приложится вам даром.

[32] Никогда не радуйтесь за богатых этого мира, но скорее жалеете их; ибо все они крайне бедны духом. Но тем более радуйтесь за тех, кто, подобно вам, находится во всяческих крестах и нуждах! Ибо такие ежедневно умирают для Христа, чтобы в конце уже не умирать, но воскреснуть для вечной жизни во Христе.

[33] Эти мои последние слова в этом мире пусть будут великим богатством, которое я вам оставляю; с этого наследства вам не придётся платить налогов! Это же моё тело поскорее вынесите из комнаты, ибо оно совершенно мертво. Но не устраивайте при этом никаких церемоний, ибо все такие обряды — мерзость пред Богом. Также вы не должны платить за мессу; ибо Господу Богу противна купленная молитва. Пусть же всё, что вы делаете, будет живой хвалой Господу за ту великую милость, которую Он соблаговолил мне явить. Ему одному да будет вся честь, вся хвала и вся наша любовь вечно. Аминь».

[34] С этими словами он замолкает для этого мира, будучи телом мертв уже ранее. —

[35] Тотчас он видит подле себя трёх чрезвычайно дружелюбных мужей в белых складчатых одеждах, которые ласково приветствуют его и подают ему руки для вечного братского союза. С радостью и блаженством, забыв обо всех земных страданиях, он протягивает им свои руки, всё ещё находясь над своим земным телом в положении сидя и говоря: «О вы, дорогие, ещё совершенно неизвестные мне друзья Господа Иисуса Христа, коими вы, несомненно, являетесь! Полных семь десятилетий, что я прожил на этой жёсткой земле, я — если брать по-земному — видел мало хороших, но зато тем больше горестных дней, и последние были, пожалуй, самыми горькими. Ибо в это время на мою бедную грешную кожу дождём сыпались лишь боли и глубочайшая нужда. Но да будет всё принесено в жертву Господу, и Ему одному вечная хвала и вся моя любовь за это! Ибо хотя я, воистину, много страдал, всё же никогда не было недостатка в своевременных утешениях, которые вновь укрепляли моё сердце и научили презирать во имя Господа все смертельно-горькие, ужасные физические боли и раны плоти. И теперь, по великой благодати, помощи и милосердию Бога, Господа Иисуса Христа, я всё превозмог и с тем терпением, что на земле так часто смягчало мои страдания, ожидаю того, что Его святейшая воля определит обо мне. Ему одному да будет принесена вся моя любовь, вся моя хвала и моё поклонение — да свершится Его единственно святая воля!»

[36] Один из троих мужчин в белых одеждах говорит: «Дорогой друг, но что бы ты сделал, если бы Господь ради Своей великой святости и из-за твоих повседневных грехов — и согласно твоему же исповеданию веры — велел тебе отправиться в чистилище на неопределенное время, где тебе пришлось бы терпеть безмерные страдания? Смог бы ты и тогда, среди величайших огненных мук, всё так же славить и превозносить Господа? И смог бы ты по-прежнему любить Его?»

[37] Бедняк отвечает: «О дорогой друг! Бесконечная святость Господа, конечно, требует величайшей чистоты от той души, что должна удостоиться лицезрения Его; но Его столь же бесконечная мудрость и благодать знают, сколько боли может вынести бедная душа, и потому Он не станет обременять её сверх меры! Но если Его правосудие ради Его бесконечной святости потребует от меня такого, то да свершится и тогда Его святая воля! Ибо я и в этом увижу Его великую любовь, которая назначает душе такое очищение лишь для того, чтобы она стала достойной быть принятой для созерцания Бога!

[38] Я говорю: Господь всегда есть чистейшая любовь, а значит, Он бесконечно добр, и всё, что Он делает — благо. Поэтому да свершится только Его всесвятая воля! Ибо если бы я и молил о пощаде и милосердии, то это наверняка никогда не было бы для меня так хорошо, как то, что высшая мудрость и любовь Господа определяют и назначают мне. Посему я говорю раз и на все вечные времена: хвала Господу Иисусу Христу, Который как единый Господь-Бог с Отцом и Святым Духом царствует и правит от вечности до вечности! Да славится Его всесвятая имя, и да свершится Его единственно святая воля!»

[39] Человек в белом говорит: «Твои слова совершенно праведны и истинны. Но подумай: ты умер без исповеди и причастия; не может ли легко случиться так, что, представ перед судилищем Христовым, ты будешь уличен в смертном грехе и в состоянии немилости — согласно учению твоей церкви — должен будешь отправиться в ад навеки? Как бы ты тогда славил и превозносил Господа?»

[40] Бедняк отвечает: «Друзья, что я мог сделать, то я, конечно, сделал. То, что я не смог исповедоваться в конце — в том не было моей вины. К тому же три недели назад я и так исповедовался, и духовник заверил меня, что теперь мне долго не потребуется исповедь. — О друзья, если же на мне всё же есть какой-то неосознанный смертный грех, то молитесь Господа за меня, бедного грешника, чтобы Он был ко мне милостив и милосерден! Ибо попасть в ад после полной страданий земной жизни было бы самым ужасным! О Господи, да свершится воля Твоя, но всё же будь милостив и милосерден ко мне, бедной грешной душе!»

[41] Белый муж снова говорит: «Да, дорогой друг, но наше заступничество, в случае если бы на тебе был смертный грех, пожалуй, могло бы и не помочь. Ибо ты знаешь из учения твоей церкви, что у Бога после смерти не может быть милосердия из-за Его всесовершенного, строжайшего и неизменного правосудия. К тому же на земле ты и так никогда особо не полагался на заступничество святых и на заупокойные мессы, а под конец и вовсе перестал в них верить, из-за чего перед лицом своей церкви ты без всяких сомнений повел себя как еретик и стал в её глазах величайшим грешником. Если мы теперь станем просить за тебя Бога, думаешь ли ты, что наше заступничество тебе чем-то поможет? Почему же ты — согласно твоему собственному последнему признанию —

ни во что не ставил церковные литании и заупокойные службы, наставляя своих близких, что купленные молитвы — мерзость пред Богом, и потому они не должны платить за мессы по тебе? Раз всё обстоит именно так, как же мы можем просить за тебя Бога? Что ты теперь думаешь об этом? Поможет ли тебе это пред Богом или вообще может ли помочь?»

[42] Бедняк, исполненный духа и глубокого самообладания, отвечает: «Друзья, кем бы вы ни были, мне всё равно; вы не более чем творения Божьи, и я — вечная благодарность и любовь Господу Богу! — тоже Его творение, и верю, что имею право говорить с вами так же свободно, как вы говорите со мной.

[43] На свете я был очень беден и несчастен; но я умел читать, немного писать и довольно сносно считать. Воскресенья и праздники я по большей части проводил за внимательнейшим чтением и созерцанием Священного Писания. И чем больше я в нем разбирался, тем яснее мне становилось, что Римско-католическая церковь делает — и желает, чтобы делали — нечто прямо противоположное всему тому, чему учили и что сами делали Христос и апостолы согласно четырем Евангелиям и апостольским посланиям. В одном письме апостола Павла я нашел даже громовое место: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам (а именно об Иисусе Распятом), да будет анафема!» (Гал. 1:8).

[44] Это изречение пронзило всю мою душу, подобно тысяче молний, и я задумался и спросил себя: как же при таких словах апостола обстоит дело с учением Рима, который не только не учит Слову Божьему и запрещает читать его мирянам, но учит вещам совсем иным, более всего напоминающим самое мрачное язычество? Кому же мне теперь верить?

[45] Внутренний голос почти громко проговорил мне: «Верь Слову Божьему!» — и я поступил так, как велел этот внутренний голос.

[46] С каждым днем мне становилось всё яснее, что я поступаю верно. Ибо сердцем я постиг и духом и истиной убедился во всем, во что преданно верил и что исполнял, — а именно, что учение Христа есть чистое и единственно истинное Слово Божье, в котором одном только и следует искать и находить всё спасение и жизнь вечную!

[47] Бог неизменен. Каков Он был, таким и останется — единым, бесконечно совершенным вечным Духом чистойшей любви. Как же мог Он основать церковь в Риме, которая проповедует лишь ненависть и преследование, гибель, смерть и ад? «Нет, вечно нет!» — говорило во мне. — «Кто судит и проклинает братьев своих, тот сам осужден и проклят! Но и ты не суди и не проклинай никого в сердце своем, тогда и сам не будешь осужден!» Так я внимал этому и так поступал. И хотя я видел всё яснее, что римские попы обходятся с Господом в духе в тысячу раз хуже, чем те, кто некогда действительно распял Его по плоти, я всё же никогда не судил их, но всегда говорил в сердце своем: «Господи, прости им, ибо они все слепы и не ведают, что творят!»

[48] Я видел и постигал бесконечную любовь Господа всё больше и больше. Оттого и любовь моя к Нему росла во мне так могуче, что никакие земные страдания не могли ни

в малейшей степени умалить её, а лишь укрепляли всё сильнее! И потому я говорю вам теперь совершенно свободно и открыто: Христос — моя любовь и моя жизнь, даже в аду, если по-вашему я должен быть туда осужден; даже ад никогда не отнимет Его у меня!

[49] Я хорошо знаю, что стою пред Богом как недостойнейший грешник, и не достоин возвести взор туда, где обитает Он, Всесвятой! Но скажите мне, где в бескрайней бесконечности Божьей живет ангел или человек, который мог бы сказать вслед за Господом: «Кто из вас обличит меня в грехе?» — Воистину, для меня блаженнее сказать: «Господи, я самый недостойный!», чем: «Я самый достойный Твоей благодати!» И я, и наверняка вы, можем сказать лишь одно — даже если бы мы исполнили всё, что Он велел нам делать: «Господи, все мы были рабами негодными и ничем не заслужили Твоей благодати. О Господи, о Отче! Посему — ради Твоих единственных бесконечных заслуг перед нами, недостойнейшими — будь к нам милостив и милосерден!»

[50] Только это мы имеем право говорить и об этом просить; всё же, что сверх того, я считаю самым настоящим смертным грехом, как во времени, так и в вечности! Теперь вы, надеюсь, поймете, почему я ни во что не ставил литании и платные молитвы. Но к истинному заступничеству по правде и любви сердца одного брата за другого я всегда был расположен и по этой причине просил о том же и вас. Вы же можете поступать, как хотите. Но во всем да свершится всесвятая воля Господа вовеки!»

[51] Белоризный муж говорит снова, внутренне совершенно восхищенный этим новым прекрасным братом: «Дорогой брат, мы видим твою истинную серьезность, мужество и рвение о Господе, которое воистину стоит непоколебимо, как скала. Но спроси свое сердце: осмелился бы ты говорить так же и пред лицом Господа?»

[52] Бедняк отвечает: «Там лишь моя безмерная любовь к Нему могла бы сковать мой язык, но никогда — моё мужество. И, воистину, не нужно много мужества, чтобы пред самим Богом признать себя в глубочайшей истине самым бесполезным и, следовательно, самым нуждающимся в Его благодати и милосердии рабом. О, я никогда не боялся Христа в подлинном смысле слова; ибо я любил Его слишком сильно, чтобы иметь возможность бояться Его. Скажите мне только, долго ли я еще пребуду здесь или нет? Мне бы очень хотелось определенно знать, куда мне надлежит отправиться!»

[53] Муж в белых одеждах говорит: «Ещё лишь немного терпения, мы должны дожидаться кое-кого ради тебя. Как только он прибудет, неся приговор Господа о тебе, ты тотчас будешь вознесен отсюда и отправишься туда, куда определит воля Божья. — Смотри, вон там с востока он уже идёт; скоро он будет здесь! — Нет ли у тебя страха перед тем, кто идёт во имя Господа?»

[54] Бедняк отвечает: «О нет! Если я люблю Самого Господа превыше всего, как же мне бояться того, кого Он посылает ко мне?»

[55] Муж в белых одеждах говорит: «Но знаешь ли ты, дорогой брат, что даже праведник грешит семь раз на дню, сам того не ведая? Если ты сложишь все дни вместе, начиная с возраста ответственности, и умножишь их на семь, то наберется весьма внушительное количество смертных грехов — особенно если принять (по Игнатию Лойоле), что четыре

малых греха составляют один большой! И если посланник явится с таким счётом, неужели и тогда ты не убоишься вестника Господня?»

[56] Бедняк говорит: «Нет, и ещё раз скажу: решительно нет! Я должен вам, мои дорогие друзья, открыто признаться, что я был бы прямо-таки рад оказаться великим грешником! Ибо грех не возвышает меня, а смиряет, и это благо и правда. Я часто чувствовал это на земле: когда я (пусть и недолго) не сознавал за собой греха — что бывало со мной особенно после исповеди, — в таком состоянии я становился полон гордыни из-за своей мнимой нравственной безупречности. И втайне я говорил себе, встречая какого-нибудь опустившегося человека: "Слава Богу, что я не такой, как этот малый, забывший Бога и всякий человеческий закон!"

[57] Но когда вскоре я сам снова впал в какой-нибудь грех, то в сокрушении сердца думал при встрече с другим грешником: "Смотри, этот, которого ты считаешь дурным человеком, быть может, перед Богом куда чище тебя. Посему Ты, о Боже, будь милостив и милосерден ко мне, бедному грешнику! Ибо я теперь не чувствую себя достойным даже возвести взор к Твоим небесам!" — И это, друзья, было наверняка правильное и достойнее вечного грешника, чем думать и говорить про себя: "Господи! Я чист и соблюдал все законы с детства, поэтому по полному праву ожидаю от Тебя обещанной награды!"

[58] Друзья, я знаю, что пред Богом я грешный человек. Поэтому я лишь смирен и уповаю не на какие-то заслуги, а на Его единственную благодать и милосердие.

[59] Я и вправду не знаю, какие такие заслуги, требующие награды, могли бы собрать создания перед всемогущим Богом, Который один всё может и никогда не нуждался в нашей помощи?! Помогали ли они Господу творить небо и землю — или совершать искупление? Или, может быть, кто-то принёс пользу Богу, единственно Святому, тем, что ради своего же блага более или менее соблюдал данные Господом законы? Я полагаю, Бог был бы столь же совершенным Богом и без нас, каков Он есть и теперь, ведь мы предназначены лишь для того, чтобы принимать Его бесконечную благодать, милосердие и любовь, а не для того, чтобы оказывать Ему какие-то вечно ненужные услуги.

[60] Смотрите, так я думал всегда, так думаю и теперь, и вечно буду так думать — если только мне будет даровано вечное существование! По этой причине я и не вижу, почему мне стоит бояться вестника Господня, если я не нахожу причин бояться Самого Господа. Да, я боюсь Господа, но не как преступник, а как любящий, который чувствует себя слишком грешным и недостойным, чтобы любить Господа своим нечистым сердцем во всю силу своей жизни! Что скажете теперь, дорогие друзья, прав я или нет?»

[61] Белоризный муж говорит: «Теперь мы ясно видим, что ты никогда не дашь нам переубедить себя; поэтому мы не станем более доставлять тебе неудобств и предоставляем всё тому, кто идёт сюда. Смотри, он уже здесь!»

[62] Вестник тотчас подходит к бедняку с необычайно дружелюбным лицом, подает ему руку и говорит: «Встань, дорогой брат, над своими тленными останками и воскресни

к вечной жизни в твоём Боге и Господе, Которого ты в Иисусе Христе всегда так искренне любил!»

[63] Бедняк тотчас поднимается, чувствуя себя совершенно свободным и полным великой силы, и говорит вестнику, который выглядит очень просто и скромно: «Высокий посланник всемогущего великого Бога! Невыразимое чувство блаженства пронзило всё моё существо, когда ты подал мне руку; для меня это вернейшее доказательство того, что ты истинно вестник, посланный Всевышним ко мне, бедному грешнику. Раз ты истинно таков — не только по словам этих трёх братьев, что хотели нагнать на меня страх перед тобой, но и по моему нынешнему безошибочному чувству, — то скажи мне по милости своей, чего мне ждать от всеправедного судилища Божьего?! Заслуг у меня нет, как и вечно не будет; но так как я чувствую, что перед Богом я наверняка грубый и великий грешник, скажи мне, могу ли я надеяться на благодать и милосердие?»

[64] Вестник говорит: «Дорогой брат, как можешь ты спрашивать о таком? Твоё сердце полно любви к Господу — а ведь это уже и есть Сам Господь Иисус, Который один есть Бог от вечности до вечности, в тебе! Тот же, в чьём сердце Иисус, как может спрашивать, смеет ли он надеяться на Его милость и сострадание?! Говорю тебе: ты уже блажен, и вовеки никакой суд не коснется тебя! Пойдем же теперь со мной к твоему Богу, к твоему любящему святому Отцу, и прими там то, что в избытке уготовано всем тем, кто, подобно тебе, в истине любит Его превыше всего!»

[65] Бедняк говорит: «О возвышенный Божий вестник! Прости мне, но я не могу последовать за тобой туда! Ибо я вовеки не достоин такой милости! Приведи меня лучше куда-нибудь в тихое местечко, где живут такие же беззаслужные, ничтожнейшие блаженные, с надеждой хоть раз в сто земных лет увидеть Господа Иисуса издали, — и я буду там так же счастлив, как самые чистые и совершенные ангелы! К тому же я просто не вынесу, если Господь Иисус подойдет ко мне слишком близко; ведь моя безмерная и могучая любовь к Нему просто разорвет меня, если я приближусь к Нему! Прошу тебя, сделай для меня то, о чем я молю тебя в глубочайшем сокрушении сердца».

[66] Вестник говорит: «Мой дорогой брат, это невозможно; смотри, Господь желает именно так! И раз я могу постоянно выносить близость Господа, то и ты сможешь. Поэтому иди со мной и ничуть не бойся! Уверяю тебя, мы оба найдем свое место пред Господом».

[67] Бедняк говорит: «Что ж, во имя Божье, если ты так считаешь, я рискну! Но скажи мне, почему эти три брата в белых одеждах смотрят на нас обоих с таким глубоким трепетом и восторгом? Неужели они уже где-то видят Господа?»

[68] Вестник говорит: «Вполне может быть; но втайне они также испытывают несказанную радость за тебя, как и за каждого, кто приходит сюда с такой любовью. Посмотри туда, на восток, где поднимаются пологие горы, над которыми сияет чудесная утренняя заря, — там лежит наш путь, который мы преодолеем легко и очень скоро! С той высоты ты тотчас узришь перед собой новый святой Иерусалим, вечный город Божий, в котором будешь обитать вовеки!»

[69] Бедняк говорит: «Ах, брат, как великолепно, как чисто по-божественному сияет этот утренний свет, какие дивные облака! А эти чудесные луга и деревца! О ты, непостижимо прекрасный небесный мир! Что против этого всё величие земли? Но я вижу, как нам навстречу движутся огромные толпы, и слышу сверхъестественно прекрасные песни! О, какая гармония! Кто может измерить их безмерное благозвучие?! Как ярко сияют те, что идут нам навстречу! Как же я буду выглядеть среди них в своей одежде, которая всё еще кажется такой земной?»

[70] Бедняк продолжает: «О Боже, Боже! Это воистину почти невозможно вынести! Смотри, они уже совсем близко, и теперь — что же это? Они падают перед нами на колени, склоняют лица и кажутся совершенно сокрушенными?! Может быть, Сам Господь идет где-то позади нас к этой толпе? О, скажи мне, что всё это значит!»

[71] Вестник говорит: «Должно быть, так оно и есть. Мы сейчас сами увидим. Еще немного терпения, через несколько шагов мы будем наверху и увидим, что там происходит».

[72] Бедняк говорит: «О ты, мой возвышенный друг, мне становится как-то странно! Подумай только, каково это — впервые увидеть Господа небес и земли, Господа над всей жизнью и над всей смертью! О друг, я дрожу от страха, от тоски и от радостного, трепетного ожидания того, что идет нам навстречу. Воистину, еще несколько шагов — и вершина достигнута! Ах, что же я увижу?!»

[73] Бедняк продолжает: «О друг, неужели ты не боишься Бога, когда Он вот так встречается тебе в подобных случаях? Неужели это стало для тебя такой привычкой, что ты не придаешь этому большого значения? А ведь я вижу по этим толпам, как и по трем следующим за нами братьям, что они потрясены не меньше меня. Только ты один так спокоен, и лицо твое такое, будто всё происходящее здесь — нечто совершенно незначительное. О, скажи мне, как это понимать? Должен ли я вести себя так же, как ты, хотя для меня это решительно невозможно?»

[74] Вестник говорит: «Мой дорогой брат, ты скоро поймешь, почему я не боюсь Бога и почему я не поступаю так, как наши трое спутников, как ты или как эти толпы. Однако будет лучше, если ты сейчас будешь вести себя так же, как я; ибо вскоре ты сам убедишься, что страх твой совершенно напрасен. Поверь мне, Господь не требует всего этого; но если дети так выражают отцу свою искреннюю любовь и смирение, то и в этом они не грешат.

[75] Я помню, что раньше, перед лицом тех троих, что первыми приветствовали тебя, ты был совершенно бесстрашен и непоколебим, что мне очень понравилось — хотя они очень старались нагнать на тебя страху. Почему же теперь ты стал таким боязливым?»

[76] Бедняк говорит: «Да... тогда я еще и понятия не имел о столь бесконечном величии Бога и Его святых небес; но теперь я вижу воочию то, о чем прежде едва смел помыслить. Теперь всё совсем иначе! Как же должен выглядеть Бог, если эти существа так трепещут — наверняка от безмерного святого благоговения перед Богом Бесконечным, Богом

Всемогущим! Сможет ли мой всё еще слабый и непривычный к свету глаз вынести созерцание лика Божьего?!»

[77] Вестник говорит: «Ну, ну, дорогой брат, всё уладится. Раз ты до сих пор не ослеп, то и дальше всё будет хорошо. Будь спокоен; смотри, мы уже на вершине, и там, на горизонте, где ты видишь Божье Солнце, чей свет озаряет все небеса и сердца всех людей и ангелов, ты уже видишь святой город Божий, в котором ты — и именно вместе со Мной — будешь жить вечно! Пойдем же скорее туда, и скоро мы будем на месте!»

[78] Бедняк широко открывает глаза и едва справляется с изумлением; только он всё еще не понимает, почему не видит здесь никакой причины, по которой толпы с таким сокрушением поднимаются и следуют за нами вместе с теми троими, непрестанно и сладкозвучно воспевая прекраснейшие псалмы во славу Бога.

[79] После недолгого немого, блаженного созерцания этой небесной страны, которую ни с чем земным нельзя сравнить, он снова спрашивает: «О дорогой друг и брат! Скажи же мне, где те, что идут за нами, видят Господа, раз они поют так, будто Он находится среди них? Я смотрю налево и направо, вперед и назад, но не вижу ничего, что напомнило бы мне о Боге. Неужели мои глаза еще слишком слабы или недостойны видеть всесвятой лик Божий? Вероятно, последнее так и останется навсегда? По правде говоря, мне так даже лучше; ибо я чувствую — и Бог лучше всех это видит, — что я не вынес бы Его святейшего лика. О, я и так уже сверх меры счастлив, что вижу всё это небесное рядом с тобой и что Бог видит меня. Но, знаешь, когда-нибудь я бы всё же хотел увидеть Его, Того, Кого я так сильно люблю; но по правде сказать, прежде всего — в лице Господа Иисуса Христа. О, если бы я хоть раз мог увидеть дорогого, самого любимого Господа Иисуса, я был бы самым блаженным и самым счастливым человеком во всех небесах!»

[80] Вестник говорит: «Говорю тебе, будь спокоен; ты скоро убедишься, что увидишь Иисуса раньше, чем думаешь. Более того, скажу тебе: ты Его на самом деле уже видишь, только еще не узнаешь! Поэтому будь спокоен».

[81] Бедняк снова прилежно оглядывается по сторонам, ища Иисуса; но по-прежнему не видит никого, кого мог бы принять за Него. Он снова обращается к вестнику: «Это просто удивительно! Ты сказал, что я Его уже вижу, только не узнаю. Я внимательно осмотрел всех, кто идет за нами; но среди них Его быть не может, ибо они все кажутся сокрушенными до глубины души и полными глубочайшего трепета, и все как один славят Иисуса, Господа от вечности. Те трое в белом делают то же самое, и, по моему разумению, трудно допустить, чтобы Господь Иисус Иегова находился среди них в видимом облике. И всё же ты сказал, что я Его вижу! О, прошу тебя, скажи мне, как и где я Его вижу на самом деле?!»

[82] Вестник говорит: «Посмотри на город Божий, к которому мы уже совсем приблизились; в нем тебе всё станет ясно. Мы уже подходим к внешним стенам и скоро будем в самом святом городе, и там у тебя окончательно откроются глаза — примерно так же, как у двух учеников, шедших в Эммаус. Поэтому будь спокоен, ибо здесь всё должно быть и происходить именно так, чтобы ничье спасение, жизнь и свобода не

потерпели никакого ущерба. Ну, как тебе нравится этот город, в который мы сейчас входим?»

[83] Бедняк говорит: «О друг, где мне взять слова, чтобы описать бесконечный блеск и величие этого города! Какое несметное множество величайших и великолепнейших дворцов, и все они кажутся обитаемыми! О Боже, это сияние, эта роскошь, о это бесконечное величество! Красота эта невыразима; ни один человеческий разум не в силах этого постичь! Но я лишь спрошу, раз уж мы вошли в город: где же теперь Эммаус и где Господь Иисус, Который всё ещё не желает явиться моим очам?!»

[84] Вестник говорит: «Взгляни на этот большой дом, перед которым мы стоим, из сияющих окон и внешних галерей которого нас приветствуют бесчисленные братья и сестры — это и есть истинный вечный Эммаус! В нем ты отныне будешь жить вовеки! И — раз уж мы стоим перед Эммаусом, который ты теперь прекрасно видишь, то обратись теперь и ко Мне, и посмотри на Меня; тогда ты узнаешь Того, к Кому несешь в своем сердце столь великую тоску и любовь!»

[85] Бедняк пристально смотрит на Вестника — Которым являюсь Я Сам — и мгновенно узнает во Мне Меня Самого. Он тотчас падает ниц на колени и говорит: «О Господь мой и Бог мой! Так Ты Сам был этим Вестником?! О Ты, бесконечная вечная Любовь! Как, как, как — Ты Сам мог так глубоко снизойти, чтобы явить такую милость мне, беднейшему грешнику?!»

[86] После этих слов он замолкает от блаженного восторга, и его вводят в обитель Моего дома.

[87] О дальнейшем блаженном состоянии этого человека, как и о его вечном предназначении в делах любви, вы легко можете догадаться сами. Посему мы закончим на этом данную сцену и перейдем к другой. Аминь.

Одиннадцатая сцена: Роберт Блюм. — 27 ноября 1848 года

(Примечание: как и в случае с Епископом Мартином, история Роберта Блюма изложена автором в отдельной книге).

Последняя рукопись, относящаяся к циклу «Сцены из мира духов» (сцены смерти), в двух обширных томах описывает посмертное развитие выдающегося деятеля политической истории того времени: Роберта Блюма, расстрелянного в 1848 году в Вене как революционер по приказу князя Виндишгреца. — Мы становимся свидетелями его духовного пробуждения в ином мире и видим, как к этому, по сути своей исполненному любви человеку, в его мире духовных фантазий приближается Сам Господь, чтобы освободить его от земных заблуждений и сделать очищенного героя «очистителем» для многих других душ, которые еще в земной жизни входили в сферу его влияния.

Внешние события, представленные в этом произведении, дают богатство глубоких впечатлений и идей. Картины эпохи, описания характеров, глубокое проникновение в душу и множество высокодуховных дискуссий создают всеобъемлющую картину потустороннего мира, тем более что композиция произведения расширяется от образа

одиноким пробуждающейся души до грандиозной панорамы человечества и всего Творения.

Приложение

Встреча в великом потустороннем мире. – 31 мая 1852 г.

[01] У очень многих людей, чья голова и сердце находятся на своем месте, но чья вера не столь крепка, постоянно возникает роковой вопрос: существует ли после этой краткой земной жизни иная жизнь, как она устроена, и узнает ли человек в себе того, кем он был здесь? Далее: останется ли у него здешнее сознание и полная память обо всех его земных состояниях, или же сознание и память будут подобны сновидению? Ведь во сне человек хоть и узнает себя тем же самым, кем он является в бодрствующей земной жизни, и ясно осознаёт свою субъективность, но пребывает в постоянно меняющихся жизненных обстоятельствах, где почти все объективные земные связи теряют свое существование — за исключением немногих вещей, глубоко запечатленных в душе (таких как ближайшие родственники или часто посещаемые, родные места, да и те почти всегда предстают в чуждых формах). И существует ли там, в великом потустороннем мире, при подобных духовных обстоятельствах, напоминающих ясный сон, возможность узнавания друг друга и встречи?

[02] И Я, Господь, говорю и отвечаю на этот всеобъемлющий вопрос: «Да, именно так!» — в зависимости от того, насколько совершенно человек прожил эту земную пробную жизнь согласно Моему порядку, открытому всем людям.

[03] Тот, кто уже здесь (что легко доступно каждому) достиг истинного и полного возрождения своего духа и живет как полностью возрожденный, видя мир духов со всеми его связями и его соответствующим влиянием на материальный мир так же ясно, как и сам материальный мир, — для того сбрасывание тела (которое само по себе не способно ни к живому сознанию, ни к памяти) не может повлечь никаких изменений в его мышлении, воле, памяти и живейшем субъективном и объективном сознании.

[04] Ибо если жизнь и все её проявления уже по эту сторону полностью перешли в дух, пребывающий в вечном, высшем и чистейшем самосознании, дух, который вечно возвышен над всякой материей и рассматривает её лишь как зафиксированную на время мысль или удержанную идею, обретшую внешнее бытие, — то, Я полагаю, для любого здравомыслящего человека должно быть очевидно (тем более что ему доступны тысячи доказательств из жизни сомнамбул, провидцев и пророков), что чисто духовная жизнь в ином мире должна быть намного светлее. Она должна быть настолько же чище в осознании себя и всех других субъективных и объективных процессов и состояний, насколько дух вечно стоит выше материи, являющейся лишь зафиксированным выражением его мыслей. Ибо дух сам по себе есть свет, жизнь, сила и полнейшее сознание.

[05] Но так как не один, а все люди, живущие по Моему порядку, переходят в такую же совершенную жизнь, то вопрос о будущей встрече излишен. Ибо если люди уже в этой несовершенной «куколочной» жизни обладают способностью узнавать друг друга, что

они не могут отрицать, то тем более они будут обладать этой способностью в совершенной, чисто духовной жизни, где всё их существо является нетленным выражением и основой всей жизни и всех её проявлений! В этом мире душа через дух в ней узнает знакомых и родных даже сквозь плоть; она может сближаться с другими и узнавать их по облику и характеру. Если душа и дух способны на это через тысячи стен темницы мертвого в себе тела, то насколько больше они смогут в состоянии полной свободы! Это часто наблюдалось у сомнамбул, которые с плотно закрытыми глазами не только видели окружающее до глубочайших основ жизни, но и мгновенно узнавали людей в дальних странах, об обстоятельствах которых их спрашивали. А ведь душа даже самой светлой сомнамбулы далеко не так свободна, как душа даже менее совершенного человека после сбрасывания тела!

[06] То, что несовершенные души после освобождения от тела слишком скоро всё более и более омрачаются, объясняется их злой волей. Такие души, конечно, больше не видят ничего из [реального] мира, что крайне необходимо, ибо в зрячем состоянии они нанесли бы значительный вред миру и особенно тем, кого считали своими врагами. Такие души видят лишь то, что развивается из их фантазии, подобно низшему миру снов. В таком мире фантазий они часто пребывают сотни лет и не видят вновь прибывающие души, даже если те были их ближайшими родственниками на земле и сразу их узнали. Они видят лишь свой затянувшийся мир фантазий и доступны для наставления ангелов лишь через чистые соответствия, которые ангелы способны привносить в их слепой мир.

[07] Если они принимают наставление и через это исправляют свою волю, их мир фантазий постепенно исчезает, и они всё более приходят к истинному свету и созерцанию всего сущего, а значит, и к встрече со своими родными и друзьями. Тогда они вскоре узнают их и обретают в них истинную радость.

[08] Если же они не исправляются, то остаются в своем постоянно ухудшающемся мире снов на долгие времена. И тогда о радостной встрече и узнавании не может быть и речи. Как материальный человек в тяжелом сне не может помнить о своих внешних делах, а видит лишь то, что рисует ему фантазия, так и темная душа в ином мире не может ничего помнить или узнавать в кругу своего сна. Там она никогда не действует, а всегда лишь страдает, и потому сама по себе не может освободиться в течение почти вечного (по земным меркам) времени.

[09] Тот, кто здесь не возродился в духе хотя бы наполовину, попадает в ином мире в указанное состояние и может помочь себе там не более, чем эмбрион в утробе матери, чьи движения зависят от состояния матери. Однако у таких душ есть одна особенность, отличающая их от состояния эмбриона: если говорить понятно для человеческого разума, эмбрион как вновь формирующееся создание совершенно пассивен, в то время как темная душа одновременно и действует, и страдает сама из себя. И поскольку она не хочет [меняться], она не может перестать «действовать» [в своем зле], чтобы тем самым перестать страдать.

[10] Но как же это происходит?

[11] Если человек в этом мире делал лишь ничтожно мало или вовсе ничего для оживления и формирования того, что его душа носит сокрытым в своем сердце, а вместо этого направлял всё лишь на внешний рассудок и использовал его для прокладывания расчетливых путей ради стяжания земных сокровищ — какого бы рода и названия они ни были — чтобы с их помощью обеспечить себе как можно более утонченные и во всех отношениях изысканные наслаждения и чувственные стимулы, то, когда душа такого человека прибывает в мир иной, её божественная чертог света оказывается плотно заколоченным и запертым. Свет же земного рассудка, который по сути является лишь комбинацией внешних материальных световых образов, запечатленных на миллионах плоскостей мозговых пластинок и доступных для души (на основании которых душа, подобно глупым астрологам, вечно строит свои расчеты и чувствует себя вынужденной действовать под властью густейшего суеверия), — этот свет в любом случае остается в мире, подобно картинной галерее коллекционера после его смерти. Следствием этого является то, что такая душа неизбежно прибывает в мир духов в полной тьме, не сохраняя ничего, кроме сознания или выражения жизни, и лишь в той мере удерживает память о своих земных состояниях и связях, в какой они запечатлены в соответствующих ячейках «мозга» души (соответствующего плотскому мозгу). Эти отпечатки крайне чувствительная душа ощущает и осознаёт, хотя из-за своей тьмы не может созерцать их ясно.

[12] Нетрудно понять и даже живо почувствовать, что такое состояние для души, привыкшей ко всем чувственным стимулам жизни, очень скоро становится невыносимым. Такая душа вскоре впадает в великий страх, тревогу и, в конце концов, в великое негодование и гнев, из-за чего в ней развивается некое подобие тлеющего свечения.

[13] Ибо везде, где человек наблюдает сильную активность в мире косной материи — будь то яростная буря, мощный морской прибой, сильное трение двух предметов, мощное давление двух твердых тел друг на друга и тому подобное, — он заметит при этом (особенно в ночное время) развитие огня, света или, по крайней мере, мерцания. Естествоиспытатели обозначают это общим, но не всегда подходящим термином «электричество». В основе же своей и согласно полной истине — это ничто иное, как возбуждение природных духов, более или менее жестко плененных во всякой материи; они возбуждаются тем скорее и легче, чем суровее их пленение. Если же они удерживаются свободнее — как, например, в воздухе, воде, глине и других жидких и мягких телах, — то требуется пропорционально более бурное движение (активность), чтобы эти духи, не способные быстро уклониться, возбудились и через свое сверхбыстрое вибрирующее движение внутри удерживающей их легкой и прозрачной оболочки стали видимы как свет или свечение.

[14] То, что это возбуждение природных духов заключается именно в вибрации, любой человек, наделенный хоть каплей наблюдательности, может легко увидеть и признать на тысячах примеров в мире природы. Когда человек или даже животное чем-либо сильно возбуждены в своих чувствах, в них замечается дрожь, которая происходит ни от чего иного, как от возбуждения природных духов, плененных в плоти и крови. Струна инструмента вибрирует, когда по ней ударяют, ибо духи, плененные в материи струны,

возбуждаются ударом. Пламя любой свечи, являющееся актом освобождения духов из материи, пребывает в постоянно видимой вибрации. Подобных явлений существуют тысячи и тысячи.

[15] Было сказано, что душа из-за утраты своего мирского света и всех вытекающих из него удовольствий сначала впадает в великий страх и тревогу, а в конце концов — в негодование и гнев, отчего в ней рождается некое подобие тлеющего свечения. Это свечение возникает в существе души точно таким же образом, как и в мире природы.

[16] Страх — это первое возбуждение бесконечного множества душевно-духовных специфических потенций, имеющих в каждой отдельной душе. Когда все потенции приходят в усиливающееся дрожание, отведенное им пространство формы вскоре становится слишком тесным. А поскольку внешняя форма, в которой все эти бесчисленные потенции объединены в единую жизнь, не может и не должна расширяться так легко, следствием неизбежно становится всё более яростный напор и давление во все стороны, из-за чего в конкретной целокупности (или, вернее, в единой жизни) проявляется чувство тревоги.

[17] Если этот напор и давление продолжают усиливаться, возникает духовное брожение, называемое негодованием. И как в природе результатом постоянно усиливающегося брожения является полное воспламенение, так и конечным результатом великого брожения душевных потенций становится полное воспламенение, именуемое гневом. От этого гнева и происходит явление тлеющего свечения, которое, если оно становится всё сильнее, переходит наконец в полноценный пожар. Это яростное состояние жизни называется яростью, а в самом подлинном смысле является адом.

[18] Когда отделившаяся душа впадает в такое состояние свечения, она начинает очень смутно различать духовные стигматы (отпечатки), имеющиеся в её мозгу, и вскоре узнаёт в своем существе много суетного зла и мало добра. В таких сумерках она нередко принимает муху за слона, а слона за муху. Из подобных созерцаний в душе развиваются всевозможные призрачные, прозрачные и, можно сказать, бесформенные формы, подобные «воздушным замкам» влюбленного юноши; при сильной фантазии они на мгновения могут обретать видимую форму, но при малейшем душевном волнении расплываются в ничто.

[19] Поскольку душа таким путем не может достичь никакой устойчивой реальности и лишь всё сильнее раздражается и возбуждается этими мимолетными, скорее искаженными, чем упорядоченными образами, в результате чего даже самое сокровенное в ней начинает испытывать «сердечные толчки», то это сокровенное (её первозданный дух от Бога) вступает в деятельность совершенно иного рода.

[20] Этой деятельностью бурная активность души успокаивается, так что в конце концов душа впадает в некий формальный сон. В этом покое, более воссоединившись со своим первозданным духом от Меня, она погружается в сновидение и, поскольку чувствует себя в этом состоянии вполне уютно, остается в нем. Это состояние древние исследователи души называли «сном души».

[21] Первозданный дух, действующий в сердце души наперекор её страстям, создает для неё всё больше и больше таких образов, которые, с одной стороны, содержат то, что льстит самолюбию и властолюбию души. Но как только она в своем сне (который считает реальностью) хочет жадно схватить это, образ либо исчезает, либо ускользает прочь. С другой стороны, душе предлагается и то, что ей полезно; и если она принимает это и использует во благо, то оно остается, и так из сна начинает развиваться прочный и устойчивый мир.

[22] Чем больше душа принимает то, что предлагает ей первозданный дух, тем более она объединяется с ним и незаметно входит в него, а вместе с ним — в Первозданный Свет и всякую Истину. Там она вскоре вновь обретает себя и узнает всех своих знакомых и родных, и обычно через них приводится ко Мне Самому. Там ей, по мере её совершенствования и единения с духом, дается всё больше света и мудрости, а также полная возможность взирать на миры природы и действовать плодотворно. То, что в этом случае многосторонняя встреча является естественным следствием духовного совершенства, не требует дальнейших доказательств.

[23] Но что же происходит затем с теми душами, у которых в их запредельной жизни сновидений призрачные образы и явления, вожделенные для их эгоизма, не могут быть вытеснены благими явлениями? Что происходит, спрашиваю Я, с такой душой, которая впадает в еще большую ярость оттого, что не может достичь и удержать объекты своей страсти? Есть ли в этом случае встреча? Нет, говорю Я, там встречи нет!

[24] Для такой души её собственный дух становится неумолимым судьей. В конце концов он позволяет ей достичь призрачных вещей и объектов и наслаждаться ими согласно её злему нраву; но такое наслаждение всегда причиняет душе величайшую и жгучую боль и на долгое время снова погружает её в полную тьму.

[25] Затем Дух допускает, чтобы ставшая столь темной душа в своей величайшей ярости, которая прокаливает её насквозь и дает ей, таким образом, зловещий свет для восприятия вне себя ей подобных, теперь действительно встретила с душами своего рода.

[26] Там тотчас происходят объединения и сборища тех, кто начинает взаимно сообщать друг другу свою ярость. Они возводят укрепления против врагов, с которыми в своей жизни сновидений (принимаемой такими душами за реальность) вступают в самое враждебное соприкосновение, и принимают пылающие местью решения: скорее убить самих себя всеми возможными способами, чем терпеть далее хоть какое-то, даже малейшее божественное установление.

[27] В таком укреплении, материал для которого они берут из своего воображения — в той мере, в какой они вообще способны к воображению в тлеющем свете своей ярости, — они пребывают часто весьма долгое время и от этого становятся лишь еще более озлобленными, гневными и неистовыми; затем они сами прорывают свои укрепления и ордами отправляются на поиски врага, ибо никто не желал вторгаться в их крепость, чтобы они могли утолить на нем свою жажду мести. Но поиски их напрасны. Они лишь сталкиваются с другими подобными ордами, ищущими врага, и вскоре вступают с ними

в общий сговор, и так они вместе со всей поспешностью ищут врага, но, разумеется, никогда его не находят.

[28] Когда таких несчастных душ собирается несколько тысяч — а это скопище в мире духов выглядит для ока чистых духов примерно так, как на этой земле выглядит свечение воздуха от где-то в глубине горящего дома, — они выбирают самого яростного среди них, кого считают самым храбрым и мудрым, своим вождем. Он ведет их по почве, которая обычно также соответствует воображению таких душ: либо в форме мрачной песчаной степи, либо необозримой равнины, на которой не видно ничего, кроме сухого мха. На такой почве после долгих странствий, терпя великий голод и жажду, они обычно находят лишь еще одну подобную блуждающую орду под предводительством сильно тлеющего вождя. И там происходит либо то, что они нападают друг на друга в избытке мстительной ярости, терзая и калеча друг друга, либо они объединяются под началом двух вождей, что, однако, сразу дает повод к трениям, ибо каждый из вождей хочет быть первым, что в короткое время всё равно приводит к войне между двумя ордами.

[29] Когда в таких войнах эти в высшей степени злосчастные души оказываются разорванными почти на мелкие куски — конечно, всё это лишь призрачно, — они снова приходят к некоторому покою. И тогда их Дух снова показывает им, словно в более светлом сне, насколько ничтожными, бесплодными и суетными были их безумно-слепые стремления, и указывает им лучший путь к обращению.

[30] Иногда некоторые принимают это наставление и каются. Но чаще всего после такого видения они становятся окончательно безумными и возвращаются в свое бездуховное, чисто душевное состояние, которое тогда оказывается несравненно хуже первого. И такие состояния суть уже ад, выход из которого найти трудно! Тот, кто не идет узким путем через свое собственное сердце, никогда не придет к цели и может пребывать в таком аду триллионы и дециллионы земных лет.

[31] Итак, было показано, как жизнь души в ином мире качественно разделяется на два резко противоположных основных направления и состояния: либо вверх, либо вниз. Однако этим не должны быть представлены абсолютно все явления в мире духов; представлены были, как сказано, лишь два общих главных направления — самое резкое «за» и «против».

[32] Между этими двумя главными состояниями существует еще бесчисленное множество явлений, которые нет нужды описывать здесь, так как они в избытке показаны в трудах: «Духовное Солнце», «Земля и Луна» и в «Сценах из мира духов», а также частично в многообразных иных сообщениях и свидетельствах природы. Но все описанные в них явления, какими бы они ни были, базируются на показанной здесь главной норме, и основные пути — либо вверх, либо вниз — сами по себе одинаковы.

[33] Подлинная истинная встреча происходит лишь в Царстве Божиим, то есть на Небесах, которые заполняют всю бесконечность пространства и, таким образом, присутствуют повсюду, но в которые каждый человек может войти только через свое сердце.

[34] Но поскольку в мире сейчас много тех, кто настолько материален, что не имеет ни следа, ни представления о духовных взаимосвязях вещей, и, читая здесь о «природных духах», не понимает, что это такое и в чем они заключаются, то далее последует краткое естественное разъяснение.

[35] Всё материальное, равно как и чисто духовное творение, есть ничто иное, как идея, исходящая из сердца или жизни Самого Божества и удерживаемая всемогущей волей Божества; и — поскольку она от Бога — в самой основе своей она духовна. Если бы всё так называемое материальное творение (что для Бога было бы совершенно легко) было освобождено от этого непрерывного удержания, оно бы вновь заняло место в Божественном разуме как одна большая мысль, видимая лишь Божеству, и реализации свободной самостоятельности бесчисленных существ пришел бы конец!

[36] Но Бог вечно желает, чтобы Его великие мысли и идеи вечно реализовывались для обретения свободнейшей самостоятельности. И потому Бог — ради единственно возможной реализации, при которой все божественные мысли и идеи ради Его планов и целей должны стоять как непоколебимо утвержденные, — избрал этот единственный действенный путь:

[37] Бесчисленные мысли и идеи должны в некотором роде лишь в самых малых духовных частицах постепенно становиться всё свободнее и свободнее, но при этом всё же долгое время притягиваться и удерживаться какой-либо главной идеей Бога, которая в виде небесного тела неподвижно парит в бесконечном пространстве мыслей и идей, пока они постепенно, согласно своему сродству, не будут находить друг друга всё более и более и таким образом переходить в постоянно растущую сущность вплоть до человека.

[38] Такие частицы, выпускаемые из тотальной главной идеи (небесного тела) во всё большую свободу, равно как и части, еще не отпущенные на волю, но удерживаемые в главной идее, называются вплоть до ступени человека «природными духами». Эти более свободные природные духи — или природные силы, как называют их ученые мира, — пребывают уже как самодеятельные либо в воздухе, либо в воде, либо в мягкой почве. Там они выманивают на свободу еще крепко плененных духов, объединяются с ними и, облекаясь в этих еще менее свободных духов, образуют всевозможные формы жизни: сначала растения, из них — мелких и крупных животных, вплоть до человека. В человеке они становятся душой и (в своей менее свободной, еще грубой части) его телом. И лишь тогда через Само Первосущество Бога эти духи, уже достаточно созревшие для полной самостоятельности, вновь охватываются и методично — поначалу всё же как бы извне — обучаются и упражняются для последующего чисто духовного, вечно длящегося состояния.

[39] Те, кто с готовностью принимает такое обучение и добровольно входит в порядок, в котором единственно возможно их вечно самостоятельное, свободнейшее состояние жизни, — те приходят к великой встрече с Тем, из Кого они изошли. Они увидят, как, откуда и чьей властью, мудростью и непоколебимой настойчивостью они пришли из фактического небытия в полнейшее, свободное и самостоятельное бытие и познание.

[40] Вместе с тем, будучи по своей первооснове единой сущностью с Ним, они также сами — к своему величайшему блаженству — будут на основе своей теперь уже собственной, но полностью подобной Божественной мудрости воплощать новые творения. Таким образом, пребывая всецело в Моем порядке, они станут творцами своих собственных небес, благодаря чему достигнут реализованной встречи со всеми своими мыслями и идеями.

[40] Вместе с тем, будучи по своей первооснове единой сущностью с Ним, они также сами — к своему величайшему блаженству — будут на основе своей теперь уже собственной, но полностью подобной Божественной мудрости воплощать новые творения. Таким образом, пребывая всецело в Моем порядке, они станут творцами своих собственных небес, благодаря чему достигнут реализованной встречи со всеми своими мыслями и идеями.

[41] И всё это будет тогда великой, вечно длящейся реализованной встречей в бесконечном полноте всего того, что Божественный Дух вечно и неисчерпаемо таит в Себе. И это и есть подлинная, совершенная, великая встреча!

[42] Я полагаю, что имеющий глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, сможет почерпнуть из этого неопишимо многое к своей вечной пользе для полного познания духовной жизни.

[43] Кто же будет читать это лишь из любопытства и приложит к этому напильник своего мирского рассудка, с тем некогда произойдет именно то, о чем сказано в этом описании. Ибо Мое милосердие не может и не должно никогда простираться за пределы Моего ныне фундаментально показанного неизменного порядка. Ибо этот порядок сам по себе уже есть Мое вечное милосердие.

[44] Но тот, кто преступает границы этого порядка, будет лишь сам виновен в своем чрезвычайно долгом и несчастном состоянии в ином мире. Ибо каждый должен сам формировать себя, если хочет быть тем, чем он должен быть. Если же кто-то не желает брать на себя этот труд, то он должен будет пребывать в вечно необходимом суде до тех пор, пока не начнет преображать себя сам, что будет стоить душе тяжелой борьбы!

[45] Поэтому берегитесь каждый из вас (эгоистического стремления к) земным благам, богатству, блеску и престижу; будьте же по силам своим обильно благотворительны к своим более бедным братьям и сестрам — тогда борьба с тьмой будет для вас легкой. Аминь.

[46] Это говорит Господь всякой жизни всем вам. Аминь. Аминь. Аминь.

Обитатель иного мира. – 18 февраля 1861 г.

[00] Обитатель иного мира, знавший Лорбера при жизни, получил дозволение напрямую обратиться к Якобу Лорберу и впервые поведать ему о своем переходе в запредельный мир и о своем первом пребывании в сфере Духовной Земли, окружающей нашу природную Землю, 18 февраля 1861 года:

[01] В: «Приветствую тебя в Боге, дорогой друг! В моем всё еще несколько тягостном единении я много думал о тебе и о всех других друзьях, и часто воскрешал в памяти те часы, когда мы столь утешительно беседовали о духовных вещах. Но всемогущая воля Господа отозвала меня из мира — и я прибыл сюда при обстоятельствах, поистине не очень радостных, в которых, конечно, повинен лишь я сам. Я хотел привести всё расстроенное в моей земной жизни в наилучшее равновесие и потому приложил много — но тщетных — усилий; и поэтому, выражаясь по-земному, я совершенно не мог найти времени, чтобы явиться кому-то из вас, хотя и знал, что мог бы явиться тебе или кому-то другому, если бы захотел.

[02] Но теперь я свободнее, вся хвала Господу, и я наконец начал осознавать внутри себя, что все мои труды и заботы, сообразующиеся с земными нормами, были здесь не чем иным, как сущим трудом и работой в сновидении; и я оставил их. Ибо, видишь ли, для меня смерть тела была не чем иным, как совершенно сладким засыпанием уставшего от дневных трудов рабочего. Я сразу оказался в очень приятной местности, словно в ясном сне, и тотчас встретился с несколькими старыми добрыми друзьями, в основном триестинцами, которые вышли мне навстречу очень приветливо и учтиво и беседовали со мной — но большей частью лишь о совершенно безразличных вещах. Я и не подозревал, что это сон, хотя в земной жизни часто предчувствовал подобное в сновидениях.

[03] Лишь один из этих моих друзей-триестинцев привлек мое внимание. Я сразу вспомнил, что он умер от холеры в один день с моей женой. С ним в его прекрасно расположенном загородном имении (Самрагна) за бокалом триестинского вина я часто и много беседовал о духовных вещах. Я спросил его, как же он сюда попал. „Ведь, друг мой, — сказал я, — я совершенно точно знаю, что ты скончался в один день с моей Д. от этой злой эпидемии и был похоронен на моих глазах, обливавшихся слезами, — а теперь ты живешь так же, как живу я — и, надеюсь, не сплю?!“

[04] Тогда старый добрый друг посмотрел на меня очень серьезно, но всё же дружелюбно, и сказал: „Друг! Будем же от сердца рады, что мы это превозмогли и оставили мир со всеми его бедами позади. Ибо, посмотри, и ты навеки простился с тягостным земным временем, и твоя ставшая ветхой оболочка завтра будет предана земле, о чем право же не стоит жалеть!“ Когда я услышал это, мне стало немного не по себе, и я сказал: „Ну что ж, во имя Божье, раз уж на самом деле так должно быть! Но мои дети, мои дела — ведь я еще далеко не всё устроил наилучшим образом?!“ Друг ответил: „Эх, не беспокойся об этом, это сделают те, кто остался там еще на краткое время!“

[05] С этим я вскоре согласился и вдруг, ведомый словно чарами, оказался самым естественным образом в загородном имении моего друга. Я с восторгом созерцал море с его чудесами и сказал: „Друг, но ведь всё это — совершенно осязаемая природа, а мы якобы должны быть чистыми духами?!“ На что он ответил мне: „Друг! Когда мы еще обитали в нашей плохой плоти, мы и тогда видели осязаемую природу лишь как живые души, а не наше мертвое тело! Если это было так тогда, когда бремя и темная плотность тела были для нас великой помехой, то почему же сейчас, в нашем более свободном состоянии жизни, должно быть иначе?“

[06] Я был с этим вполне согласен и начал чувствовать, что освободился от тела, хотя и не понимал, как и каким образом. Но я стал беспокоиться о том, где мне найти жену и смогу ли я снова восстановить свою оставленную книжную лавку, — и это причиняло мне много горя и забот. Но Богу вся хвала! Теперь и это позади, и я начал заниматься исключительно более высокими вещами. Я буду посещать тебя чаще и сообщать еще многое из моих нынешних переживаний и опыта на пользу верующим в вашем мире. Прощай же в Господе Боге».

25 февраля 1861 г.

[07] В: «Доброе утро, доброе утро — дорогой друг! Мои сердечные приветствия и всем остальным добрым друзьям! Мне нет нужды спрашивать здесь, как у них дела; ибо здесь очень хорошо знают, как поживает тот или иной дорогой друг на стереотипной земле, так как мы можем в точности узнавать обо всем этом из сферы внешней жизни души каждого, стоит нам лишь захотеть. Но я всё равно всегда испытываю великую радость, узнавая здесь, на духовной и, следовательно, лучшей земле, что каждый — за редким исключением — продвигается вперед в свете Господа с небес; ибо тех, кого Господь любит, Он всегда посещает всяческими малыми крестами. Эти крестики — истинные средства для ускорения единения Духа Господня с вечно тягостной в самой себе душой, которая сама по себе, без опоры, есть весьма жалкое существо. По этой причине большинство душ опираются на свою тленную и брентную плоть и вместе с нею вынуждены безропотно сносить все страдания, ибо они не подозревают, не говоря уже о познании, о крепчайшей и вечной опоре Духа от Бога! — И именно поэтому определенные „орденские крестики“ из руки Господней столь благи и полезны для истинного и вечного блага души: благодаря им она вынуждена отвлечься от плотской точки опоры и в вере обратиться к опоре Духа. —

[08] Если душа хотя бы в зачатке совершила этот благоприятный поворот, Господь будет наделять её всевозможными малыми крестами до тех пор, пока она полностью не начнет объединяться с Духом. Но как только это произошло и более нет опасений, что душа может или захочет с комфортом вернуться к плоти, — что ж, тогда все кресты прекращаются, и человек целиком может еще в мире перейти в состояние истинного блаженства. —

[09] Я сам в земной жизни понимал это далеко не так ясно, как понимаю сейчас, в этой чистой, совершенно безболезненной и подлинно истинной жизни. В этом и была причина того, что я постоянно колебался между тленной и преходящей опорой душевной жизни и той вечно длящейся, истинной и могущественной опорой Духа, и при этом беспрестанно и поочередно переносил страдания то от одного, то от другого, — однако всё это было с великой любовью устроено Господом, и только сейчас я всё более и более чувствую великое благодеяние всех вынесенных мною, часто весьма горьких на вкус испытаний. Ибо где и чем был бы я здесь без них?!

[10] Ах, дорогой друг, когда здесь имеешь возможность, как я сейчас, видеть и познавать нищету и великую нужду душ типичных „людей мира“, то вовек невозможно быть в достаточной мере благодарным Господу за то, что Он всегда посылал таких стражей и хранителей, которые удерживали тебя от того, чтобы стать окончательно светским

человеком. — Посему снесите всё из любви к Господу во всяком благодарном Ему терпении, — ибо истинную „Калифорнию жизни“ вы навеки найдете только здесь. Ибо каждый верный работник в великом винограднике жизни Господней обретет здесь свою блистательнейшую награду навеки!

[11] Ведь из уст Самого Господа известно, что Его исповедники на земле в Нем, то есть в Его Духе, в некотором роде распинаются вместе с Ним, чтобы также с Ним и в Нем воскреснуть к вечной жизни.

[12] Мой дорогой друг, я хорошо знаю, что тебе это известно, но я говорю это тебе и другим дорогим друзьям лишь потому, что слово познавшего на собственном опыте имеет всё же больший и действенный вес, чем слово пророка, который еще является обитателем плоти. —

[13] Ты, вероятно, хотел бы узнать от меня о многих условиях духовного бытия и существования, и я поистине охотно поделюсь ими с тобой, насколько это только возможно в моем нынешнем состоянии. — Смотри, я всё еще нахожусь на этой земле, а именно большей частью в прибрежных районах Триеста, но также часто бываю здесь, в Граце, и вижу эту землю гораздо лучше, чем когда-либо способен её видеть человек, еще ходящий во плоти. И я вижу людей, которые здесь еще живут, и могу вполне успешно общаться с ними. Ибо мои слова становятся в них подобны непредвиденным и внезапно возникшим мыслям; а их собственные мысли, возникающие в ответ на это, дают мне пластичный ответ. Но всё же земля, которую я созерцаю столь ясно, — это не сама материальная земля, а лишь, в некотором роде, духовная, без которой материальная вообще не могла бы существовать, так как всё материальное само по себе есть не что иное, как осужденное или зафиксированное духовное.

[14] Но есть в этом нечто особенное: у нас „духовная земля“ в некотором роде исходит из души через всеоживляющую и всесозидающую власть её Духа от Бога, подобно тому как полностью выросшее дерево исходит из духа оболочки зародыша в невзрачном семени, только происходит это более завершено, чем развитие дерева из семени. Теперь ты, конечно, мог бы подумать и сказать: „Да, если так, то в царстве духов существует столько же духовных земель, сколько есть духов“. Но это как раз не так, и удивительно то, что, хотя каждый дух действительно приносит „свою“ духовную землю в себе в мир иной, как только она развивается из него, она мгновенно объединяется с духовной землей всех духов. И потому существует лишь одна духовная земля, во всем совершенно подобная материальной, — только во много раз благороднее, выразительнее и совершеннее, чем материальная для глаза плоти, который не может узреть великих чудес в строении атомов. И потому „духовная земля“ для нас — это совершенно иное зрелище, чем для вас материальная.

[15] Наши перемещения туда и сюда, естественно, также иные, чем у вас, ибо мы не имеем дела с материальным временем и его пространственностью. О том же, как это происходит у нас, я подробнее покажу тебе в следующий раз, причем легко понятным способом. — А посему прощай в Господе».

4 марта 1861 г.

[16] В: «Доброе утро, и приветствие вам в Боге!

[17] На этой земле снова начинается весна, и она определенно будет очень хорошей; ибо мы ясно замечаем это по особой деятельности природных духов, которые начинают теперь весьма пестро и суетливо резвиться. Поистине удивительно, в каких формах высочайшего многообразия и различия они вдруг, словно по мановению волшебной палочки, развиваются в нашем эфирном воздухе, группируются и затем тотчас принимаются за дело. Высочайшее разнообразие смешанных форм и группировок представляет новую форму как новое целое. Теперь видишь новую форму, но видишь в ней и отдельные специальные формы в их чудесном упорядоченном соединении, и это далеко превосходит всё, что можно увидеть и открыть на земле даже с помощью самых совершенных микроскопов. Ибо то, что можно видеть телесными очами, — это уже застывшие формы, стоящие как минимум на десятой степени прогрессирующего соединения форм и сущностей. Это, в некотором роде, уже облеченное в оболочку и оуклившееся духовное, которое лишь из такой куклки вступает затем в материальном мире в соответствующую видимость. Но какое гигантское количество редчайших предварительных формирований и группировок предшествует вышеупомянутому оукливанию в духовном мире природы!

[18] Эта деятельность специальных природных духов перед их оукливанием — на самом деле самое чудесное, что мы, духи, можем здесь наблюдать, если имеем к тому желание и любовь. Но здесь у нас всё происходит по большей части так же, как на материальной земле среди людей: кто не принес с собой чувства, пробужденного для чего-то более высокого, у того и здесь нет иного чувства, кроме того, что было у него на земле. Человек золота и денег и здесь остается маклером и спекулянтом; так же и купец, ремесленник, земледелец и так далее — каждый в своем роде; и здесь поистине уместны слова: много званых, но мало избранных!

[19] Я знаю это по себе, как и я в начале своего пребывания здесь снова начал втискиваться назад, то есть в мирскую торговлю. Лишь благодаря добрым и уже опытным здесь друзьям я отошел от этого и достаточно рано осознал подлинную и истинную цель своего пребывания здесь, и теперь нахожусь на более высокой ступени чистого познания и созерцания. — О, здесь еще труднее вырваться из ложной материи, чем в реальном материальном мире, и атеизм представлен здесь в тысячу раз больше, чем в материальном мире, — и того, кто однажды в нем погряз, по моему нынешнему опыту, трудно или, на мой взгляд, уже и вовсе невозможно вытащить. — При случае я начал говорить с подобными духами о, как говорится, трансцендентальных вещах, но сразу получил в ответ: „Неужели мы и здесь должны разыгрывать из себя дураков для попов и правителей? Будем рады, что мы наконец-то находимся в таком мире, где каждый — совершенно свободный хозяин своего места!“ — Одного из них я совсем недавно спросил, не думает ли он время от времени, что великий Учитель из Назарета всё же мог бы быть Господом и Творцом всего мира духов и чувств. Ну, тут мне пришлось быстро замолчать: он сделал вид, что станет грубым и резким, и допустил такие высказывания о Господе, которые я не хотел бы здесь повторять. С такими духами ничего не поделаешь, лучше всего по возможности избегать их.

[20] Я уже пару раз видел Господа, но лишь с определенного расстояния, и питал великую тоску поговорить с Ним. Но до сих пор это не сложилось. Мой друг сказал мне, что Он скоро придет снова; — может быть, тогда сложится?»